

**СКРЫТЫЕ ГЛУБИНЫ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ
СЧАСТЬЕ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ВИДИМОСТЬ
О САМОВОСПИТАНИИ**

СКРЫТЫЕ ГЛУБИНЫ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ Берлин, 23. ноябрь 1911

Если в какой-нибудь местности почва под ногами людей начинает колебаться, то большинство из них при этом охватывают чувства страха и ужаса. Причину подобных чувств следует искать главным образом не только в том, что человек стоит перед неведомым, перед тем, чего он не ожидал и чему не может дать соответствующего объяснения, но эти чувства вызваны чем-то другим - они вызваны тем ощущением, которое человек переживает в момент протекания событий: насколько же далеко это зайдёт, и что ещё могут преподнести неведомые глубины.

Подобное чувство может испытать человек, если даже в обычной жизни он не всегда относится к этому так, и перед тем, что время от времени, подобно землетрясению, извергается из скрытых глубин души, в которые уходят корни всей сознательной жизни, всех сознательных представлений и ощущений. По отношению к тому, что разыгрывается там не только в желаниях и влечениях, но и в неясных настроениях и переменах судьбы, что часто вторгается в нашу сознательную жизнь так же разрушительно, как землетрясения - человек, если он надеется познать самого себя, всегда будет испытывать мучительное ожидание: что же ещё может извергнуться из подоснов моей души? - Ибо человек, проникающий немного глубже в своё существо, вскоре замечает, что вся протекающая в сознании жизнь представлений, всё, что подвластно ему от пробуждения до засыпания, подобно ряби на поверхности моря, но стремящиеся вверх силы, сам род и образ их действий указывают обычно наблюдению на неведомые глубины. Об этом следует подумать тому, кто, опираясь на так называемый внешний научный опыт, постоянно приводит возражения против излагаемых в этих докладах данных духовной науки. Духовная наука видит в человеке не такое простое существо», каким его часто хотят видеть, и для этого сложного состава человеческой природы сама жизнь может предоставить доказательства, которые можно встретить на каждом шагу.

Для духовной науки человек состоит не только из того, что видят физические органы зрения, с чем имеет дело анатомия и физиология и чем можно овладеть с помощью естественнонаучного метода, но она противопоставляет физическому телу, то есть тому, что доступно внешнему восприятию и внешней науке, его высшие сверхчувственные члены. Эти сверхчувственные члены доступны только тому познанию, о котором здесь уже говорилось в общих чертах в докладе "Смерть и бессмертие" и будет говориться далее. Основываясь на непосредственном наблюдении над теми результатами исследования, которые не могут быть достигнуты в чувственном мире, но доступны лишь истинному ясновидческому сознанию, духовная наука противопоставляет воспринимаемому внешне физическому телу ближайший сверхчувственный член человека, - не следует пугаться этого слова, оно, как и все прочие, служит лишь для указания -который можно назвать жизненным или эфирным телом.

Духовная наука, опираясь на почву естествознания, находит в физическом теле человека те же силы и субстанции, которые находятся также и в его физическом окружении и действуют в этом физическом теле точно так же, как в физическом окружении. Но при этом духовная наука обращает внимание на то, что собственная деятельность этих сил и субстанций в физическом теле проявляется только тогда, когда человек проходит через врата смерти. Но в течение всей жизни, которую человек проводит в физическом мире, эти силы и субстанции охвачены более высокими силами эфирного или жизненного тела, которое противодействует распаду физических сил и субстанций; этот распад происходит сразу же, как только с наступлением смерти эфирное тело оставляет физическое. Если говорится о таком более высоком, чем физическое, теле человека, то это, как мы убедимся в ходе этого рассмотрения, совсем не противоречит всеохватывающему истинному опыту жизни, ибо в жизни повсюду наблюдается разделение, наблюдается двойственность человека, поскольку он обладает этим физическим телом, которое содержит всё, что находится обычно в физическом окружении, и поскольку это физическое тело пронизано телом жизни или телом эфирным.

Наряду с этим духовная наука имеет ясное представление о том, что всё происходящее в нашей сознательной жизни радикально отличается от той деятельности и тех сил, которые остаются действенными даже тогда, когда сознание погашается, как, например, у спящего человека. Ибо с точки зрения здравого смысла было бы нелепо полагать, что все волнения и страсти, представления и идеи, которые разыгрываются в подъёмах и спадах душевной жизни в течение дня, возникают каждое утро при пробуждении и вновь исчезают каждый вечер при засыпании. У человека при пробуждении мы находим физическое тело и всё, что поддерживает его деятельность в физическом мире, то есть, физическое тело и

эфирное или жизненное тело, от которых нам следует отделить астральное тело, носителя сознания. Но если мы хотим правильно понять душевную жизнь, то в этом носителе явлений сознания нам, опять же, следует выделить то, что всегда нам подвластно, чем всегда можно овладеть силой наших мыслей и волевых решений. Это следует ясно отличать от того, что вздымается из глубочайших подоснов душевной жизни и наделяет её темпераментом, окраской и характером, но над чем мы не имеем власти. Итак, мы отделяем то, что наполняет нашу душевную жизнь и всегда живёт в нас с первых и до последних дней нашей жизни, что делает нас одарёнными или неодаренными, злыми или добрыми, наделенными чувством прекрасного или не имеющими его совсем, но что мы не в состоянии охватить нашим рассудочным сознанием, нашими чувствами и волей - всё это мы отделяем от остальной душевной жизни. Поэтому с точки зрения духовной науки мы различаем сначала в нашей душевной жизни две области: более обширную или - как её привыкли называть в последнее время, поскольку этого уже нельзя отрицать - подсознательную душевную жизнь и нашу сознательную душевную жизнь, которая находится во власти наших мыслей, волевых импульсов, суждений вкуса и прочих суждений.

Если подумать о неизбежности дальнейшего деления человеческого существа на четыре части, то, по меньшей мере, можно согласится, что это необходимо для рассмотрения жизни, ибо опыт свидетельствует о различии этих четырёх частей. При всестороннем и непредвзятом рассмотрении жизни повсюду находят доказательства того, о чём говорит духовная наука и что звучит сначала как утверждение. Это особенно ясно показывает более детальное рассмотрение доказательств духовной науки. Духовная наука, опираясь на свои познания, относит к эфирному или жизненному телу не только те силы, которые внутренне пронизывают наш организм настолько, что он из только физической структуры становится телом, которое является носителем нашей душевной жизни. В этом эфирном теле мы находим не только эти организующие силы, но, как показывают результаты духовной науки, в нём сохраняется то, что мы относим к нашей памяти, к нашим воспоминаниям. Ибо носителя памяти нам следует видеть не в астральном теле, но в эфирном, которое больше связано не с нашей душевной жизнью, но с физическим телом; эта связь в обычной жизни настолько крепка, что она не прерывается даже тогда, когда Я и астральное тело выходят из физического тела и погружаются во время сна в бессознательное. Итак, память и всё, что мы несём в себе, но не всегда в данный момент охватываем своим сознанием, а должны извлекать из скрытых глубин душевной жизни, нам следует искать, в смысле духовного знания, в лежащем в основе нашего физического тела эфирном теле. Если это так, если есть основания считать эфирное тело, как носителя памяти, в некотором смысле самостоятельным в отношении физического тела, то следует допустить, что оно должно проявить эту самостоятельность в обычной жизни, например, независимость памяти от физического тела.

Если это вышеприведённое положение духовной науки верно, то возникает вопрос: как мы устанавливаем связь с внешним миром и как наше Я воспринимает сознательные впечатления душевной жизни, как оно воспринимает внешний мир? В отношении этого мы, как находящиеся в физическом мире люди, опираемся, прежде всего, на наши чувственные органы, которые являются внешними физическими органами, и на наш связанный с 'инструментом мозга' рассудок. Поэтому всё, что человек имеет как образ мира, как сумму того, в чём он живёт своим повседневным сознанием, связано с внешним телом, с его здоровьем и болезнью, но прежде всего со здоровыми, хорошо сформированными органами чувств и с хорошо сформированным мозгом. - В праве ли мы утверждать: то, что покоится в нашем внутреннем существе, в скрытых глубинах душевной жизни, и что может быть извлечено лишь с помощью воспоминаний, следовательно принадлежит памяти, не связано в той же мере, как сознательная повседневная жизнь, с внешней организацией, но покоится больше во внутреннем существе, за порогом того, что связано с чувствами и инструментом мозга? Существует ли нечто, что даёт право говорить о самостоятельности памяти? Если это так, то можно в определённой степени утверждать, что в пределах физической, телесной организации эфирное, тело человека обладает самостоятельным бытием, бытием, которое обладает внутренним суверенитетом, поскольку независимо от внешних повреждений телесной организации. Мы можем поставить перед жизнью интересный вопрос: протекают ли обычные процессы сознания, которые связаны со здоровым мозгом, параллельно процессам памяти, или память, отличаясь некоторой самостоятельностью, проявляет свою независимость, если физическое тело больше не может быть носителем восприятий? Обратимся за ответом к жизни. Здесь мы находим удивительные факты, которые может проверить каждый, поскольку они встречаются в литературе. Все познания духовной науки сначала извлекаются из ясновидящего сознания. Но для других людей они, прежде всего, гипотезы. Но о предоставленных результатах можно спросить у жизни: подтверждает ли их сама жизнь?

Обратимся, например, к индивидуальности, трагическая судьба которой известна всем: Фридриху Ницше. После того как его затяжная болезнь, достигнув последней стадии, завершилась безумием, он был перевезён своим другом Овербеком из Турина в Базель. Берноулли в своей книге рассказывает об этом следующее. Я пропущу отдельные эпизоды переезда из Турина в Базель и остановлюсь лишь на тех фактах, которые особенно поразили Овербека. Ницше не испытывал особого интереса к окружающему миру, он оставался внешне совершенно безучастным и едва ли обращал внимание на то, что попадало в

сферу его обычного сознания. Он легко дал перевести себя в пансионат для больных, где встретил старого знакомого, который заведовал этим пансионатом. Когда Ницше, не проявляющий никакого интереса к окружающему миру, услышал его имя, в нём нечто всколыхнулось, и он - к великому изумлению Овербека сразу же продолжил разговор, начатый с этим врачом много лет назад. Он продолжил разговор точно с того самого места, на котором тот был прерван семь лет назад! Настолько точна деятельность памяти, в то время как инструмент внешних восприятий, мозг, рассудок, обычное сознание повреждены: ведь он был равнодушен и невнимателен к тому, что мог бы воспринимать и наблюдать, если бы всё, принадлежащее к повседневному сознанию, исправно ему служило. Это убеждает нас в том, что в разрушенном организме продолжает действовать то, чему мы по праву можем приписать самостоятельность. Но пойдём дальше. Этот безупречно поставленный самой жизнью эксперимент показывает нам, в чём здесь дело, надо лишь обладать даром всестороннего наблюдения. Когда Ницше был перевезён в Йену, и его стали посещать Овербек и другие, равным образом оказалось, что с ним можно было говорить обо всём, что он пережил и испытал в ранние годы, но не о том, что происходило а данное время вокруг него, ибо эти наблюдения и восприятия связаны с инструментом физического тела. Напротив, сохранило независимость и в значительной степени осталось действенным то, что в духовной науке называют самостоятельно действующим эфирным телом, которое и есть носитель памяти. Этот пример можно дополнить множеством других. Мыслящий исключительно материалистически непременно скажет, что в данном случае определённая часть мозга, являющаяся носителем памяти, осталась нетронутой. Но подобное возражение опровергается реальным опытом, непосредственным рассмотрением жизни. Так за физическим телом мы как бы видим эфирное или жизненное тело, которое познаётся духовной наукой как одновременно и носитель памяти.

Рассматривая человека с другой стороны, со стороны его внутренней жизни, мы видим, что он действительно замечает, как из неведомых глубин вздымаются волны, которые им при обозрении своей душевной жизни обычно не осознаются так же, как то, что охватывает своим рассудком, чувствами и волевыми импульсами. Среди прочего, что показывает нам, как из нашей души, поскольку она гораздо шире сознания, вздымаются и достигают сознания неведомые глубины, находится также область сновидений, которая имеет большое значение для понимания человека в целом. Сновидения, несмотря на хаотичность, непредсказуемость и полное отсутствие явной упорядоченности, тем не менее, обладают тонкой, почти неуловимой внутренней закономерностью и, как мы вскоре увидим, являются частью того, что разыгрывается в подсознательных областях душевной жизни и, как бы извергаясь на поверхность, лишь касается более высокой области, оставаясь неподвластным человеку. Не в моих правилах давать в докладах что-то совершенно надуманное, но, как это делается в естествознании, лишь взятое из жизни, из опыта или духовнонаучного эксперимента. Наука о сновидениях, в отличие от химии и физики, едва ли известна широким кругам, но из скрытых глубин нашей души она может извлечь очень многое. Сначала пусть будет рассказан простой сон, который хотя и покажется комическим, но будет интересен тем, кто хочет глубже проникнуть в тайные глубины души.

Одной крестьянке однажды приснилось, что она по пути в город зашла в церковь. Она совершенно ясно увидела, как зашла в церковь, как священник стоит за кафедрой и проповедует. Она отчётливо слышит его проповедь. Пылкие слова проповеди глубоко запали ей в душу. Но особенно глубокое впечатление произвело на неё то, как священник распротёр руки. Этот неопределённый жест, который ещё производит на многих глубокое и вполне определённое впечатление, совершенно поразил женщину. Затем произошло нечто невероятное. Облик священника, как и его голос, внезапно изменился, и, наконец, когда сон прошёл через ряд промежуточных фаз, оказалось, что от прекрасных, волнующих слов священника ничего не осталось. Его голос больше не был таким, как раньше, но преобразился в крик петуха, а сам он стал петухом с соответствующими крыльями. Женщина проснулась - за окном пел петух!

Этот сон, если мы разбираемся в таких вещах, скажет нам о многом. Он говорит, что при его объяснении, нам не следует считаться с обычными представлениями о времени. Представления о времени, свойственные бодрствующей жизни, не подходят для рассмотрения сна. Сон этой крестьянки, как вы знаете из опыта собственных сновидений, продолжался довольно долго: она постепенно приближалась к городу, затем зашла в церковь и увидела поднимающегося на кафедру священника, затем слушала проповедь и так далее. В физическом мире это заняло бы много времени. И петух, конечно же, так долго не поёт. Но она проснулась от его пения. То, что вызвало в её душе пение петуха, присоединилось к текущим вспять представлениям и образам сновидения. Она оглядывается на события, которые, как она полагает, пережила. Образы этих событий она заимствовала из обычной жизни.

Но повод, внешняя причина, то есть пение петуха, заняло очень мало времени. Посмотрев на это с внешней стороны, мы увидим, что время, как причина, вызвавшая в душе женщины эти переживания, было очень коротким по сравнению со временем, в течение которого, как полагала женщина, протекали события сна.

Когда духовная наука говорит, что человек от засыпания до пробуждения находится не в физическом или эфирном теле, но, отделившись от них, пребывает со своим астральным телом и Я в

сверхчувственном, недоступным для внешних глаз мире, то нам следует сделать из этого вывод, что женщина была как бы вырвана из этого мира пением петуха. Необоснованным было бы предположение, что в том мире, в котором человек находится от засыпания до пробуждения, нет таких же переживаний, как в физическом. Но эти переживания имеют чисто душевную природу. Пробуждение женщины было вызвано криком петуха, и она, просыпаясь, оглядывается на свои переживания. Образы сновидения и всё, что ей наколдовано сном, нам следует принимать не за реальные переживания во время сна, но исходить из того, -только тогда мы правильно поймём все явления области сновидений - что женщине в принципе было недоступно то, что она переживала до утра, до момента пробуждения. Но в момент пробуждения она, сопоставив образы сновидений и реальную жизнь, поняла, что эти образы всего лишь сон. И это дало ей повод внести в жизнь сновидений образы, которые стали теперь символическими, иносказательными переживаниями дневной жизни. При этом женщина как бы присоединяет к образам сновидений то, что часто видит в обычной жизни, словно покрывая этим свои переживания во сне. Поэтому и течение времени не соответствует реальному, но у этих представлений, которые, подобно занавесу, опустились перед жизнью сна, свой хронометраж с тем временем, которое свойственно образам, если они переживаются как внешние физические восприятия. Поэтому образы сновидений являются сначала как покров, как оболочка того, что человек переживает во сне. Так образы сновидений, которые человек ставит перед своей жизнью сна, указывают на нечто такое, что происходит; они не отображают то, что происходит, а лишь указывают на то, что переживается во сне. Доказательством этого могут служить сновидения, которые различаются в зависимости от душевной жизни людей. У людей, которых мучают те или иные поступки или угрызения совести, образы сновидений другие, чем у тех, кто во время сна может погрузиться в удовлетворение или блаженство, вызванное наполняющим их жизнь смыслом благоприятным свершением или фактом, которые его душа может взять с собой в сверхчувственный мир. Свойство переживаний, не они сами, указывает на то, что они протекают в скрытых глубинах душевной жизни. Сон, в зависимости от его характера, может открыть многие тайны душевной жизни. И в качестве ключа к скрытым глубинам душевной жизни мы рассмотрим сон, который я здесь уже приводил по другому поводу. Этот повторяющийся периодически у одного человека сон вызван переживаниями юности.

Этот человек ещё в школе отличался талантом чертёжника, поэтому незадолго до окончания школы учитель дал ему очень трудное задание. И если ученик в определённое время делал прежде несколько чертежей, то с этим, поскольку он делал его очень тщательно, не справился даже за год, так что он всё чертил и чертил, а конца было не видно. Окончание школы было не за горами, а работа, к которой могли бы приступить ещё и другие, была завершена лишь частично. Можно себе представить, какой страх и беспокойство переживал ученик, поскольку понимал, что не закончит работу. Но страх, который он тогда испытал, был ничто, по сравнению с теми состояниями тревоги, которые в течение ряда лет возникали постоянно в его снах! После определённого времени, в течение которого этот сон не снился, он вновь видел во сне, что, будучи ещё учеником, он не может закончить чертёж, и его охватывал страх. Этот страх возрастал до тех пор, пока он не просыпался. Иногда этот сон повторялся через неделю. Затем сон опять оставлял его на год, затем вновь повторялся, потом повторялся через неделю, затем вновь оставлял его и так далее.

Понимание этих удивительных сновидений достигается только при рассмотрении прежней жизни этого человека. Он ещё в школе отличался талантом чертёжника, который развивался в течение всей его жизни постепенно, поэтапно. Точное рассмотрение показывает, что этот человек, развивая свою способность, достигал большего всякий раз после этого сна, который и возвещал об "определённых успехах. Поэтому после очередного сновидения этот человек чувствовал себя совершенно пропитанным и пронизанным гораздо большими способностями к черчению. Это одно из тех чрезвычайно интересных переживаний, которые происходят в человеческой жизни. Как же объясняет это духовная наука?

Если мы вспомним то, что нам известно о сверхчувственном средоточии человеческого существа, которое постоянно работает не только над преобразованием внутренних сил, но и над преобразованием внешней организации, если мы примем во внимание это лежащее в основе человека сверхчувственное сущностное ядро, то можем сказать: это сущностное ядро человека в течение всей жизни работает над его телесным инструментом, над всей его организацией, ибо ему, если оно желает постоянно развивать новые способности, нужно быть связанным с внешними навыками. В результате работы этого сущностного ядра над телесной организацией человека, он становится всё более искусным, более способным к постижению форм, ко всему, что выполнено в рисунке и выражено в формах.

Вплоть до тела работает сущностное ядро человека. До тех пор, пока это внутреннее сущностное ядро вработывается в тело, пока оно изливает свою деятельность в тело, до тех пор оно не может вступить в сознание. Здесь все его силы изливаются в преобразование телесной организации, что затем проявляется как способность, в нашем случае - к черчению. Только когда достигнута определённая ступень и человек преобразован настолько, что это преобразование он может поднять в сознание, то есть становится способным к осознанному применению своей только что освоенной способности, только тогда его сущностное ядро вступает в сознание, только тогда он может осознать, что в нём произошло и что

работало в скрытых глубинах душевной жизни. Но в нашем случае имеет место промежуточная ступень. Когда человек ещё совсем ничего не знает о работе сущностного ядра над его чертёжными способностями, когда он внешне не продвигается, тогда всё остаётся в глубинах душевной жизни. Но когда наступает момент вступления сущностного ядра в сознание, тогда это даёт знать о себе в своеобразном сновидении, которое облекается в такую форму, чтобы известить о том, что сущностное ядро подвело чертёжной способности определённый итог. Так этот сон всякий раз говорит о некотором достижении. До тех пор, пока сновидение не повторилось, в скрытых глубинах телесной организации душевные силы работают над постепенным формированием способности. Но перед тем, как эти силы, достаточно окрепнув, будут осознаны, а телесная организация будет готова для этой способности, происходит ещё один переход. Сначала они не полностью вступают в сознание, но изливаются в полубессознательные сновидения. Благодаря сну скрытая душевная жизнь прорывается в область сознания. Поэтому после сновидения человек всегда делает ещё шаг в развитии той способности, которая таким характерным образом выразилась символически в сновидении.

Так сущностное ядро человека работает сначала в подосновах чувственной и сверхчувственной организации, а затем, когда эта работа пришла к некоторому завершению и человек уже может поднять определённый результат в сознание, эта деятельность выражается в сновидениях, преобразуется в силы, которые вступают в область сознания. Наблюдая, как взаимодействует то, что находится внизу, с тем, что разыгрывается наверху в сознании, мы понимаем: почему очень многое не может проникнуть в сознательную жизнь, ибо в сознание не может подняться то, в чём человек ещё нуждается для формирования органа, чтобы выработать способность, которая затем становится орудием сознательной жизни. Поэтому в течение всей жизни можно наблюдать, как сущностное ядро человека работает над его организацией. Когда человек в детстве постепенно развивается изнутри наружу, то в нём, до появления Я-сознания, работает то же самое сущностное ядро, работает до того момента, о котором он позднее может вспомнить; это же ядро работает в нём и дальше. Целостное существо человека находится в постоянном самопреобразовании. Эта глубинная, творческая работа души сначала не осознаётся человеком, но затем она приостанавливается, поднимается из душевных глубин и становится его сознательной деятельностью. Так устанавливается связь между нашим обычным сознанием и тем, что происходит в нашем подсознании, в скрытых глубинах душевной жизни.

Эти скрытые глубины душевной жизни часто говорят на совсем другом языке, они раскрывают совсем другую мудрость, которой человек позволяет проявиться в своём обычном сознании лишь в сновидениях. Мысли человеческого сознания не совпадают с тем, что мы называем разумом вещей, который человеческое сознание как бы отражает, из чего мы можем сделать вывод, что разумную деятельность, правление разума мы встречаем также и там, где невозможно допустить проявление такого же разума, как у человека. Сравнивая в этом отношении человека с животным, мы видим, что у человека нет преимуществ перед животным в разумной деятельности, она лишь иначе освещается сознанием. В построениях бобра, осы - можно привести и другие примеры - мы видим правление разума, и это, в сущности, тот же самый разум, которым пользуется и человек, когда он своим сознанием освещает часть разумной деятельности мира. Лишь одну часть этой разумной деятельности может осветить человек своим сознанием, но наша подсознательная жизнь пронизана более всеобъемлющей деятельностью разума.

Здесь разум не только приходит к подсознательным выводам и образует понятия, на что указал даже естествоиспытатель Гельмгольц, но без участия человека творит здесь искусные, мудрые вещи.

Здесь можно указать на главу, которая уже упоминалась и которую можно было бы назвать "О философах и человеческой душе", здесь я имею в виду философов-пессимистов 19 века. Философ в основном имеет дело с разумом, с осознанной деятельностью разума, и обращается только к тому, что можно обосновать с помощью разума. Обратившись к таким философам, как Шопенгауэр, Манлэндер и Эдуард фон Гартман, мы найдём в основе их мировоззрения следующую идею: в том мире, который человек может охватить своим сознанием, несчастья, боли и страданий гораздо больше, чем радости и счастья. А Эдуард фон Гартман даже произвёл очень остроумные вычисления, в которых показал, что в мире преобладают боль и страдания. Он подвёл итог всем страданиям и боли, которые может пережить человек, и вычел из этой суммы всё, что переживает человек как радость и счастье. В результате страданий и боли оказалось больше. Так этот философ, исходя из рассудочных вычислений, с определённым правом утверждает: если в мире преобладают боль и страдания, то на жизнь следует смотреть только пессимистически. - Итак, разум, произведя эти вычисления, выносит сознательное суждение: этот мир, в определённой степени, далеко не лучший из миров.

В моей "Философии свободы" я указал на то, что эти рассудочные подсчёты вообще не применимы. Кто же совершает их, даже если они производятся в жизни не философом, а простым человеком? Они производятся всегда ясной, сознательной душевной жизнью. Но ясная, сознательная жизнь не выносит решения о ценности жизни и радостях бытия. Ибо на это нам указывает, опять же, сама жизнь. Если даже человек и произвёл такие подсчёты, то из них ещё не следует вывод, что жизнь не имеет ценности. Из этого, опять же, следует, - я уже говорил, что подсчёты Эдуарда фон Гартмана остроумны и верны - что

человек, производя вычисления, приходит к результатам совсем не из сознательной жизни. Роберт Гамерлинг в "Атомистике воли" высказал мысль, что в этих подсчётах есть нечто ложное; если даже каждое живое существо, как и человек, испытывает в основном страдания, тем не менее, имеется стремление к утверждению бытия, а не к отрицанию его. И не из подсчётов, а из чего-то другого делает человек вывод, что жизнь всё же имеет ценность. В моей "Философии свободы" я указал на то, что этот пример с вычитанием не применим, потому что душевная жизнь в своих глубинах производит совсем другие подсчёты. Не примеры с вычитанием - их производит сознание. Подсознательная душевная жизнь производит деление: она делит количество радости на количество страданий и боли. Вы знаете, что при вычитании, если бы количество боли было бы равно восьми, а количество радости было бы равно также восьми, то результат, то есть ценность бытия, в этом случае равнялся бы "нулю". Но если не вычитают, а делят, то результат будет равен единице. В результате всегда получают единицу, а не ноль. И если даже знаменатель очень велик, если только он не "бесконечность", то в результате всегда останется все же стремление к бытию. Это деление человек производит в скрытых глубинах своей души, а то, что затем всплывает как результат и осознаётся ясной душевной жизнью, человек ощущает как ценность и радость бытия. В связи с этим я указал, что это удивительное явление, при котором человек, несмотря на явное преобладание страданий, тем не менее, радуется жизни, стремится к бытию и желает его, объясняется лишь тем, что он в своих душевных глубинах выполняет то, что мы затем можем объяснить научно на примере деления.

Мы видим, какие вычисления производит душа в своих глубинах, и как жизнь в своих проявлениях указывает на правящий в подсознании человека разум. Как в деятельности бобра или осы, когда они строят без всяких осознанных вычислений, правит не достигающий их сознания разум, так правит он и в душевных глубинах человека и, подобно вздымающей в море волны силе, устремляется в сознание, свет которого не достигает безграничных пределов душевной жизни, а освещает лишь незначительную область бытия. Мы с удивлением смотрим в бездонные глубины душевной жизни и видим, что лишь часть её освещается сознанием, которое как бы плавает в океане бессознательного. Наблюдая в повседневной жизни проявления правящих в душевных глубинах сил, мы всегда можем видеть, как одни и те же внешние события по-разному действуют на тех или иных людей. В глубинах нашей душевной жизни могут действовать вещи, которых мы не осознаём, которые пережиты нами настолько давно, что обычное сознание о них уже забыло, но они все же продолжают действовать. Духовный исследователь видит постоянно действующими в центральном существе человека, даже если их действие протекает не по шаблонам сознания. Может иметь место, например, следующий случай. В душевных глубинах человека может находиться нечто, что он пережил ещё в детстве и что глубоко его потрясло. Ребёнок, как известно, особенно восприимчив к несправедливости. Допустим, он в семи - восьмилетнем возрасте что-то сделал, что получило несправедливую оценку со стороны его родителей или кого-то из его окружения. В более позднем возрасте это может остаться на поверхности сознательно душевной жизни. Это может быть забыто, а не действовать в подсознательных душевных глубинах. Допустим, этот ребёнок растёт и в 16-17 лет вновь сталкивается с несправедливостью. Другой подросток, который не имел вышеназванного переживания, мог подвергнуться в этом возрасте такой же несправедливости. Он приходит домой, жалуется на несправедливое к нему отношение, плачет, возможно ругает учителя, но не более того - всё проходит, как будто бы ничего и не было, всё погружается в подсознательную душевную жизнь. Но другой ребёнок, который, в семь-восемь лет пережил несправедливость, о которой внешнее сознание забыло, может вновь пережить то же самое. Но теперь это не пройдёт бесследно, это может привести к самоубийству. В чём причина? Причину этого следует искать в том, что поднимается из подсознательных скрытых глубин и разыгрывается в ясной душевной жизни.

Мы очень часто можем наблюдать, как наша подсознательная душевная жизнь вступает таким способом в наше сознание. Возьмём следующее: мы постоянно сталкиваемся с тем, на что, к сожалению, не обращаем должного внимания. У некоторых людей в довольно позднем возрасте появляются признаки того, что можно назвать тоской. Она накатывает. И если их спросят, о чём - же они тоскуют, они ответят: самое ужасное, что сами не знают о чём. И все доводы и тому подобное, что приводится в таких случаях и что обычно может утешить, им не помогает. Если с теми же методами, которые применяет естествознание, методами наблюдения обратятся к ранней жизни такого человека, то увидят, что эта тоска вызвана совсем особыми ранними переживаниями. Тогда найдут, - в этом может убедиться каждый, кто наблюдает подобные явления - что эти люди в пору своей юности направляли внимание и интерес на то, что не было связано с глубочайшим существом их душ; они обращались к некой сфере душевной деятельности и их внимание было привлечено тем, к чему душа не стремилась. Поэтому во всём, что их душа хотела бы получить, ей отказывалось. Внимание направлялось на нечто совершенно иное, а не к чему они стремились; они развивались формально. Поэтому позднее проявилось следующее. Поскольку внимание и интерес прежде не удовлетворялись, поскольку человек стремился к тому, что ничего ему не давало, то этот ряд последовательных переживаний преобразовался теперь в неопределённое влечение, в некое стремление, в нечто такое, что действует как страсть, как инстинкт, что проявляется в неопределённой

тоске, в тоскливом стремлении к чему-то. Раньше это стремление можно было бы удовлетворить, теперь же нет. Почему? Потому что в потоке душевной жизни отразились только те переживания, на которые было направлено внимание, но к которым душа не чувствовала стремления приблизиться. Теперь благодаря такому представлению мы установили, что человек совсем не понимает того, что прежде для него было подходящим. Прежде он не проявлял никакого внимания к тому, что властвует и творит в подосновах души, теперь он отвык от этого, не может с этим соединиться. Осталось лишь то, что, возможно, совсем не соответствует его душевной организации.

Итак, мы видим, как рядом с сознательной жизнью человека протекает подсознательный поток душевной жизни, проявления которого мы наблюдаем в обыденных явлениях жизни. Но как сознательная жизнь души вновь погружается в подсознательную и как человек может погружаться в подсознательные глубины душевной жизни - это показывают другие явления. Здесь мы подходим к той области духовной науки, которая показывает, как душевная жизнь простирается вплоть до эфирного тела, которое работает над физическим телом, где человек как бы сходит к своим собственным подосновам. Но что он находит там? Он находит то, что выводит его жизнь из узкой человеческой сферы и связывает со всей вселенной, ибо как физическим телом, так и эфирным мы связаны с со всем универсумом. Когда душевная жизнь изливается в эфирное тело, тогда наше существо устремляется в мировые дали, тогда наступает то, что мы можем назвать провозвестием неразрывной связи человека со всем миром, с тем, что является не только им самим, но всей вселенной. Затем мы проникаем в область человеческой фантазии. И чем глубже спускается человек, тем больше выходит его внутреннее существо за пределы обычных пространственные и временные отношения, тем больше переживает, как его физическое тело и эфирное соединяются со всем универсумом и определяются им. Так при погружении в физическое тело сознание человека освещает то, что находится вне его. Мы видели, как скрытая душевная жизнь может быть поднята в сознание и освещена им, а, с другой стороны, наше сознание должно погрузиться в скрытые глубины души. Мы достигаем того же с помощью с помощью фантазии, если она действительная, настоящая фантазия, как понимал её Гёте, а не фантастика. Погружаясь ещё глубже, мы достигаем ясновидческих сил, которые не ограничиваются лишь тем, что обычно окружает человека как объекты в пространстве и времени, но простираются в мировые дали, которые прежде не воспринимались.

Спускаясь в скрытые глубины душевной жизни, мы проникаем в область фантазии, затем в область ясновидения и в область скрытой основы бытия. Но местом прохождения являются глубины самой душевной жизни. Лишь проходя через них, мы приходим к скрытым глубинам бытия, которые как духовные, сверхчувственные лежат в основе воспринимаемых вещей и не доступны обычному сознанию. Посредством фантазии, если человек не предается фантастике, но из углублённой жизни, из совместного бытия с вещами как бы творит вещи так, что на месте внешнего восприятия возникает всеобъемлющий образ, посредством такой фантазии человек - и истинный художник всегда подтвердит это - как бы срастается с вещами. И хотя он не может ещё обозначить как сущность вещей то, что выражается в фантазии, но фантазия есть путь, ведущий в такие глубины, которые не доступны рассудку и внешней науке. Поэтому один из философов, Фрошхаммер, весьма остроумно, но односторонне назвал "творческой фантазией" вещей то, что лежит в основе мира и является творческим. Согласно этому воззрению, человек, спускаясь из своей обычной сознательной жизни в подсознательные области - едва ли кто будет отрицать, что фантазия принадлежит к подсознательной области душевной жизни - соединялся бы больше, чем рассудком, с сущностью вещей, которая, как фантазия, творчески действует в вещах. Несмотря на крайнюю односторонность этого мировоззрения, об этом представлении фантазии, как творческой мировой силе, тем не менее, можно сказать, что она больше любого рассудочного представления соответствует тому, что обычно проявляется в мире непостижимым образом. Когда человек от деятельности разума, с его сотней возможностей, переходит к тысячам возможностей мира фантазии, он, покидая область повседневности, проникает в ту область, которая в подосновах души представлена как всеобъемлющая возможность, по сравнению с которой то, что переживается на поверхности, является лишь очень небольшим фрагментом. Разве не лежат в основе бытия миллионы возможностей, по сравнению с которыми лишь тысячи воспринимаемых нами действительностей заполняют поверхность бытия? Возьмём, например, зародыши, которые выбрасывают в море рыбы и которые являют бесконечное количество возможностей, и мы увидим: как много из того, что производит жизнь, гибнет. И сколько из них используют предоставленную жизнь возможность? Это показывает, насколько богаче жизнь в глубинах бытия по сравнению с тем, что затем можно видеть на поверхности. Так же обстоит дело и тогда, когда человека из области возможностей разума спускается в область фантазии. И как из области внешней действительности мы спускаемся в область бесконечных возможностей, так и из мира разума мы спускаемся в волшебное царство фантазии.

Но сравнение творческой силы мира с фантазией будет односторонним, поскольку человек благодаря фантазии хотя и погружается в подосновы души, но недостаточно глубоко, чтобы достигнуть сверхчувственного мира. Он достигнет его тогда, когда разовьёт ясновидящие силы, которые мы находим, если спускаемся, но осознанно, из верхней области душевной жизни в скрытые душевные глубины, то есть

к тем силам, действие которых обычно не осознаётся. Здесь уже указывалось на то, как человек может осознанно погружаться в подсознательные области. Если человек стремится к такому погружению, он должен сделать свою душу соответствующим для восприятия духовного мира инструментом - таким же точным инструментом, какие применяют для внешних вещей в своих лабораториях физики, химии и т. д. Душа должна стать инструментом, которым она не может стать в повседневной жизни. Именно об этом говорит Гёте в "Фаусте":

При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами,
Увы, чего не мог достигнуть ты душой,
Не объяснить тебе винтом и рычагами.

В область духа невозможно проникнуть с помощью инструментов и экспериментов, основанных на "винтах и рычагах", то есть вообще с помощью внешних средств. Но если то, что действует в скрытых душевных глубинах, осветить сознанием, свет которого рассеет тьму, то можно проникнуть в те духовные основы, в которых вечная и бесконечная человеческая душа соединяется с творящей сущностью, столь же бесконечной, как и сама душа. Душа может сделать себя таким инструментом лишь благодаря тем интимным переживаниям, которые в ней протекают.

Здесь уже указывалось на то, о чем было сказано более подробно в книге "Как достигнуть познания высших миров": как с помощью медитации и концентрации можно достигнуть сознательного схождения души к своим скрытым глубинам. Человек должен энергичным волевым решением исключить чувственные восприятия, подавить свои воспоминания, тревогу, заботы, волнения и то, что занимает его в обычной жизни. Погашаются все воспоминания о внешних восприятиях, как это бывает обычно во время сна. Но правящие во время сна в скрытых душевных глубинах силы ещё не достаточно развиты, чтобы осознанно достичь глубин, или лучше сказать, душа ещё недостаточно сильна, чтобы осветить сознанием скрытые глубины. Человек достигает этого лишь тогда, когда он направляет волю на подсознательную жизнь, когда он, например, отдаётся определённым представлениям или определённому комплексу представлений, скажем тому, что прежде совершало подсознание. Это должно совершенно и полностью погрузиться в волю. Воля должна определять то, что мы думаем, и всё должно определяться лишь тем, что человек ставит перед собой посредством воли. В медитации человек посредством воли ставит перед собой содержание представлений. Если он в течение длительного времени ни о чём не думает, ничего не рассматривает и не вспоминает кроме того, что представил себе сам, если он в состоянии стать единым со своей волей и ввести с ее помощью мысли в область сознания, если он способен эти представления удержать в поле своего духовного взора, и сконцентрировать все душевные силы, которые прежде были рассеяны, если он способен поставит в центр волю и дать воздействовать на себя этим представлениям не как суггестивным, если он, оставаясь господином самого себя, не принуждается этими представлениями, но всегда может их погасить, словом, если он настолько развил свою душу и достиг более сильного внутреннего раскрытия воли, то он сделал первый шаг. Наиболее сильно действуют не представления внешнего мира, но те, которые мы называем символическими, образными. Если человек возьмёт, например, такие представления, как "свет" или "мудрость", которые воздействуют на душу, то, поставив их посредством воли в своё сознание, он хотя и достигнет многого, но продвинется всё же не очень далеко. Но если он представит мудрость в образе света, а любовь - в образе тепла, то есть, изберёт образные представления, которые живут непосредственно в самой душе, короче говоря, если он откажется от заимствованных из чувственного мира представлений и, напротив, обратит внимание на такие представления, которые создал сам, которые даже не однозначны, но многозначны, и отдастся им - то достигнет большего. С материалистической точки зрения, разумеется, могут сказать, что человек фантазирует, ибо представления ничего не значат. Но они и не должны что-то означать, но воспитывать человеческую душу, чтобы она смогла проникнуть в скрытые глубины. Когда человек своей душе строго предписывает, чтобы она освободилась от того, чем является в обычной жизни, где представления вызываются влияниями извне или из скрытых глубин душевной жизни, и стала другой, всё преобразовала и подчинила сознательной воле, тогда он всей жизни представлений позволяет внутренне разыгрываться в укрепленных силах, тогда он живёт в истинной медитации, в истинной концентрации, тогда благодаря этим упражнениям его душа становится другой. Делаящий эти упражнения замечает, что его душа поднимается в другие сферы. Если мы опишем переживания такого упражняющего, такого медитанта, то окажется, что он приходит к реальному, центральному существу, к сверхчувственному, сокровенному, внутреннему существу человека. Следующий опыт может прояснить это. Может наступить следующее переживание.

С определенного момента представления, которые человек развивает, совершают в нём нечто, образуют в нём нечто. Он уже ничего не знает о своих прежних мыслях и душевной жизни, но воспринимает то, что из души устремляется в мировые дали и действует на него формирующе из мирового пространства. Он чувствует, полностью осознавая это, как срастается с пространством. Теперь к этому необычайно значительному переживанию присоединяется нечто другое, на что следует обратить

внимание, если хотят экспериментально испытать реальность сверхчувственного мира. Человек осознаёт: в тебе происходит нечто, что ты не можешь представить так, как представляешь в обычной жизни; то, что происходит в тебе, ты не можешь охватить чёткими контурами мысли; ты имеешь в себе богатые и многозначительные переживания, но они не могут проникнуть в твоё сознание. - Желая внести это в обычное сознание, человек словно встречает сопротивление. Он осознаёт, что за ним находится более обширное сознание, но чувствует сопротивление, он как бы не в состоянии использовать привычный инструмент своего тела. Тогда замечают, что внутреннее есть нечто иное, чем всё известное сознанию. Замечают, что в эфирное тело вработываются силы, но физическое тело, подобно тяжёлой колоде, не поддаётся. Это - первое переживание. И если мы продолжаем постоянно делать упражнения, наступает следующее переживание: физическое тело начинает поддаваться, так что теперь мы можем передать в обычных представлениях то, что пережили, что сначала не могло быть передано, но лишь переживалось в скрытых глубинах душевной жизни.

Всё, что переживается в духовном мире и сообщается духовной наукой, облекается в идеи и логические понятия обычного сознания. Но достигается это не с помощью логических заключений и выводов, или внешних суждений о вещах, но благодаря сверхчувственному опыту, благодаря освещению сознанием скрытых подоснов человека. И только после того, как этот сверхчувственный опыт пережит, это передаётся в обычное сознание. Этот опыт передаёт тот, кто сделал свою душу инструментом для восприятия сверхчувственного, вызвал в ней то, что преобразовало теперь также и его организм вплоть до физических и эфирных, жизненных сил, так что этот опыт может быть закреплён в обычных понятиях и сообщён внешнему миру. Духовное знание передаётся "логически".

Поставив перед взором эти подсознательные душевные силы, мы можем сказать: исследователь души видит, что здесь происходит. - Он видит, на что указывают повторяющиеся сновидения, и как душевное сущностное ядро работает в человеке. Результаты этой работы появляются в сознании, когда даёт о себе знать способность к черчению. Итак, мы видим сначала работу в подсознании, затем преобразование и вступление в сознание того, что работало в подосновах. При сознательном погружении человек живёт сначала своим сознанием в медитации и концентрации. Здесь сила воли, которая применяется при медитации и концентрации, вызывает преобразование физического и эфирного тел. Затем мы сами вносим в повседневное сознание то, что пережили сверхчувственно. Итак, духовный опыт может привести к непосредственному созерцанию того, что мы наблюдаем в жизни, но только тогда, когда человек достигает скрытых глубин своей души.

Изложенное здесь искусство обучения является единственно правильным для современного человека, если он хочет развить силы ясновидения, но оно адресовано и тем, кто естественным образом склонен к тому, что можно назвать работой из своего душевного ядра. Человек может в силу естественной способности направлять определённые силы в скрытые глубины души. Тогда наступает некий род естественного ясновидения. Это, как и описанное самосознающее ясновидение, может привести к тому, о чём говорилось выше. Если человек достигает таким образом своих душевных глубин и сознаёт, как работает в его телесной организации то, что он благодаря медитации и концентрации выработал в своём эфирном теле, то он больше не находится в пространственных и временных отношениях, в которых находился прежде в пределах чувственных восприятий, но, пронизывая пространство, время и то, что свойственно обычно чувственному миру, приходит к духовным основам чувственных вещей. Человек может проникнуть в сущность вещей не только с помощью выработанного ясновидящего сознания, но и, в некоторой степени, благодаря естественным задаткам. В докладе "Смысл пророчеств" на примере Нострадамуса показано, как благодаря естественным задаткам происходит развитие ясновидческих сил. Как это разыгрывается в жизни и как вообще проявляется действие более обширного сознания и душевных сил, выходящих за пределы сознания, - всё это можно узнать из книги, на которую мне хотелось бы указать. В ней хорошо показано отношение естествознания к скрытым душевным и духовным силам, а также связь этих достигнутых без специального обучения духовных сил с тем, что изложено в моей книге об отношении человека к высшим мирам. Вы найдёте это в книге Людвиг Дайнхарда "Мистерия человека в свете психического исследования. Введение в оккультизм", в которой описаны два метода духовного исследования: метод, опирающийся на естествознание, и метод, опирающийся на истинное обучение, которое, благодаря медитации, концентрации и так далее, может привести к достижению сверхчувственных миров. Но кто хочет составить более точное представление о том пути, который надлежит совершить душе, пусть обратится к моей книге "Как достигнуть познания высших миров?"

Таким образом, мы повсюду видим, как проявляются те удивительные, вырывающиеся из душевных глубин и потрясающие сознание силы, которые властвуют в глубинах души. Но, с другой стороны духовная наука указывает на то, как человек опытным путём - имеются в виду лишь те опыты, которые он может осуществить с собственной душой - может проникнуть в свою душевную жизнь, в скрытые глубины бытия. Но мы проникаем в скрытые глубины, в духовные подосновы, в область вечного и бессмертного внешнего мира только тогда, когда погружаемся в скрытые глубины души и постигаем там сначала самих себя. Через скрытые глубины душевной жизни духовная наука приходит к скрытым глубинам внешнего

мира, космоса, универсума. В этом заключается суть практики и метода духовной науки.

Если мы рассматриваем вещи таким образом, тогда совсем особый смысл приобретают для нас слова Гёте, которые он сказал в связи с ошибочным пониманием природы Галлером. Если Галлер говорит: "В нутро природы не проникнет сотворенный дух; блажен, кому она явила лишь внешний свой покров!" то Гёте, который благодаря естественным задаткам подошёл к границе ясновидения, на собственном опыте убедился в том, что человек может проникнуть не только в скрытые глубины души, но и в скрытые глубины космоса; он знал это из опыта собственной жизни, жизни с внешним миром, с самой природой. И возражая Галлеру, для которого познание внешнего мира ограничивалось лишь поверхностью, он сказал: "В природе нет ни внешнего, ни внутреннего, она едина и нераздельна". Поистине, в мире много загадочного, и сознанию человека доступна всего лишь оболочка его душевной жизни. Но следуя правильным методам, человек все же может проникнуть сквозь эту оболочку к сердцевине своей души, и здесь, в душевных глубинах, ему открываются глубины космоса. Поэтому мы можем повторить слова Гёте:

Природу всегда следует рассматривать как нераздельное целое! В ней нет ни внешнего, ни внутреннего, Ибо что снаружи, то и внутри.

Человеку необходимо найти сначала своё внутреннее существо! Так духовная наука, указывая на скрытые глубины душевной жизни, может вызвать в человек совсем другие чувства, чем внешняя наука. Последняя, правда, признаёт, что рассмотрение мира ставит перед нами множеством загадок. Эти загадки могут часто вызвать ужас, если мы находим своё внутреннее существо столь же загадочным, если мы видим, как силы этого внутреннего существа поднимаются и действуют в наших непосредственных переживаниях, и если человек боязливо останавливается перед этим неведомым и ждёт, что же оно ещё преподнесёт. Человек видит во внешнем мире множество загадок. Сравнивая правильным образом внешнюю жизнь с внутренней, мы чувствуем в нашей душевной жизни действие скрытых, недоступных обычному сознанию глубинных сил, которые, подобно сотрясающим при землетрясении почву подземным силам, врываются в ясное сознание и сотрясают его. Но, с другой стороны, если мы сможем воспринять подающую надежду уверенность в том, что человек, достигнув глубин собственной души, может решать загадку за загадкой, мы далее можем полагаться и на то, что обещает духовная наука: нам откроются не только загадки душевной жизни, но при прохождении через нашу душевную жизнь нам откроются врата духовного мира, где человек решает загадку за загадкой и перед ним разворачиваются перспективы познания великого внешнего мира. Если человек обладает мужеством постигнуть самого себя как загадку, если он стремится сделать свою душу инструментом для более высокого восприятия, то он обретёт надежду и уверенности в том, что решение великих загадок в мире духа принесёт ему ещё большее удовлетворение и уверенность в жизни.

СЧАСТЬЕ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ВИДИМОСТЬ

Берлин, 7 декабря 1911

К тем познаниям духовной науки, которые могут быть доступны широкому кругу, принадлежат, безусловно, познания о повторных земных жизнях и о воздействии созданных человеком в одной жизни причин на другую, словом то, что называется законом духовной причинно-следственной связи или законом кармы. Отрицательное и недоверчивое отношение наших современников к этим познаниям обусловлено привычками их мышления. И это будет продолжаться до тех пор, пока не изменятся эти привычки, пока не получит всеобщее признание очевидность этих основополагающих истин духовной науки. Но непредвзятое рассмотрение жизни, свободное от предрассудков рассмотрение тех загадок, которые являет нашему взору обычная жизнь и которые можно решить лишь взяв за основу эти упомянутые истины, - всё это приведёт ко всё большему изменению привычек мышления, а затем и к признанию очевидности этих великих истин.

К явлениям, которые мы, прежде всего, можем отнести к этой области, безусловно, принадлежат и те, которые обычно называют такими многозначительными словами как счастье или несчастье. Стоит только их произнести, и человеческое сердце тот час отзовется чувствующим суждением, что этим сказано нечто такое, что может обратить более пристальное внимание человека на границы, отделяющие его познание от внешнего мира. Они, равно как и другие, вызывают в душе чувство неутолимого стремления познать те непонятные связи, которые хотя и могут отрицаться с определённой точки зрения, но которые всё-таки признаются непредвзятым стремлением к познанию. Нам следует лишь обратить душевный взор на то, что счастье или несчастье, особенно последнее, кажутся человеку совершенно непостижимыми, непостижимыми в том смысле, что не могут быть постигнуты с помощью каких-то теоретических рассуждений, но для этого необходимо нечто большее, чем теория или, как говорят в таких случаях, абстрактная наука. В глубине своей души человек стремится - едва ли кто будет отрицать это - к определённому согласию со своим окружением, с миром. И некоторый недостаток этого согласия может

выразиться в том, что иногда он может сказать о себе или о своём ближнем только то, что несчастья преследовали его всю жизнь. Следующий за этим признанием вопрос: "почему?" - имеет важное, определяющее значение для всего, что мы должны сказать о ценности человеческой жизни и тех сил, которые лежат в её основе.

Роберт Гамерлинг, значительный, но., к сожалению, очень мало ценимый поэт 19 столетия, написал небольшую статью "О счастье". Он начинает её одной историей, которая, как говорит он, вспоминается ему всякий раз, когда он начинает размышлять о счастье. Он слышал её - пусть это легенда или ещё что-то, дело не в этом - в Венеции: "У супружеской четы родилась девочка. Мать умерла сразу же после родов. Отец девочки на следующий день после её рождения потерял всё своё состояние, он не вынес этого удара судьбы и тоже умер. Так этого ребёнка с первого же дня его жизни постигло несчастье. Сначала девочку взяли к себе богатые родственники. Они составили на её имя завещание, которое делало её обладательницей большого состояния. Но они умерли, когда девочка была ещё совсем маленькой. Затем оказалось, что в завещании допущена формальная ошибка, оно было аннулировано, и девочка потеряла всё предназначавшееся ей состояние. Она работала прислугой, жила в нужде и бедности. Затем в неё влюбился очень обходительный и славный молодой человек. Так что эта девушка, пройдя через многие несчастья и трудности жизни, могла бы надеется на какое-то счастье, но оказалось, что её возлюбленный мусульманин, поэтому их брак был невозможен. Она упрекала его, что он якобы намеренно обманул её, но оставить его не могла. Её жизнь протекла в поразительных контрастах. Молодой человек тоже не мог расстаться с девушкой, он обещал ей, что сразу же после смерти отца примет крещение, и они поженятся. Вскоре его отец заболел, и он уехал к нему. Ко всем прочим несчастьям наша девушка вскоре очень тяжело заболела. Тем временем отец её жениха умер. Её жених крестился. Но когда он вернулся, девушка, в результате физических и моральных страданий, уже умерла. Он не застал её в живых. Он был охвачен горем. Ему очень хотелось увидеть девушку ещё раз, хотя она была уже погребена. Он добился вскрытия могилы. Оказалось, что она лежит в такой позе, которая ясно указывала на то, что она была погребена живой и, придя в себя, изменила позу.

Эта история, говорит Гамерлинг, вспоминается ему всякий раз, когда речь заходит о счастье, и он начинает размышлять о том, что человека иногда в течение всей жизни, не только от рождения до гроба, но, как в этом случае, и в самом горбу, преследуют несчастья. Рассказ, конечно, мог быть и легендой, но дело не в этом, ибо каждый скажет: эта история, независимо от её истинности, возможна и могла бы быть рассказана именно так, даже если в действительности этого не было. Но она ясно и напрямую ставит перед нами серьёзный и пугающий вопрос: что можно сказать о ценности той жизни, которую преследуют такие несчастья. - Прежде всего, обратим внимание на то, что было бы совсем невозможно говорить о счастье или несчастье, если бы отдельная человеческая жизнь вообще ставилась под сомнение. Имея в виду жизнь этой девушки, которой пришлось столько испытать в этом мире, как вызов привычкам мышления можно было бы сказать, что никакие представления о ценности человеческой жизни не совместимы с тем, что пришлось пережить ей в этой жизни между рождением и смертью. И здесь мы выходим за пределы границ рождения и смерти.

Но, уделив словам, счастье или несчастье, больше внимания, мы увидим, что они применимы лишь к определённой области; и хотя многие явления внешнего мира напоминают нам своеобразную согласованность или несогласованность человека с миром, но это едва ли позволит нам в аналогичных случаях, кроме человека, говорить о счастье или несчастье. Допустим, кристалл, который согласно определённым законам должен обладать соответствующей формой, по причине соседства с другим кристаллом или в силу природных условий не образовал себя всесторонне, потому что у него не было возможности правильно образовать те углы и стороны, которые ему следовало образовать, ибо природа почти не предоставила ему возможности хорошо развить свои внутренние, соответствующие кристаллу законы. И растению тоже свойственны внутренние законы развития. Но многие растения из-за погодных и иных условий не имеют возможности развернуть все силы своего жизненного порыва. То же самое можно сказать и о животных. Мы можем пойти ещё дальше, нам только не нужно закрывать глаза на то, как много зародышей живых существ не достигают полного развития, поскольку внешние обстоятельства не дают им возможности стать тем, к чему они предрасположены. Представьте, какое несметное количество зародышей могло бы стать обитателями морских глубин, и как мало из них действительно приходят к осуществлению. Здесь мы ясно и отчётливо видим, что существам, которых мы встречаем в различных царствах природы, присущи внутренние законы и силы развития, но эти внутренние законы и силы развития, встречая препятствия и границы в своём окружении, не могут достигнуть гармонии с окружающим миром. - Но нечто подобное имеет место и тогда, когда мы говорим о человеческом счастье или несчастье. Мы видим, как человек не может совершенно и полностью претворить в действительность свои возможности, поскольку им постоянно встречаются препятствия. Мы видим, что человек подобно кристаллу, - это лишь метафора - который счастлив настолько, насколько свободно может развернуть во все стороны свои углы и грани, мог бы сказать: мне ничего не мешает, мне благоприятствуют внешние обстоятельства, мне благоприятствует течение мира, они помогают мне развить скрытые в моём

внутреннем существе задатки! - И только в этом случае человек обычно говорит о своём счастье. Иные обстоятельства либо оставляют его безучастным, либо принуждают его прямо заявить о своем несчастье. Но, не впадая в фантастику и не выражаясь образно, мы вообще не в праве говорить о счастье кристаллов, растений и даже несметного количества зародышей, которые гибнут в море до того, как они вообще могут возникнуть. Чтобы иметь право говорить о счастье или несчастье, мы должны, и мы это чувствуем, подняться до человеческого бытия. И даже в пределах человеческой жизни мы видим границы, которые не позволяют говорить нам о счастье или несчастье, несмотря на то, что внешние обстоятельства могут создавать человеку препятствия и угрожать его жизни. А если обратится к одному из великих мучеников, например, к Джордано Бруно, который хотя и совершил нечто значительное для мира, но был приговорён к смерти и сожжён на костре, то в праве ли мы говорить в этом случае о несчастье? Мы чувствуем, что здесь в самом человеке заложено нечто, что не даёт возможности говорить только о несчастье или, в случае успеха, о счастье. Так счастье или несчастье мы видим именно в человеческой сфере, в пределах которой опять же можно указать лишь на ограниченную область.

Если мы рассмотрим случаи счастья или несчастья в человеческой жизни, то окажется, что, в сущности, это счастье или несчастье почти ускользают от нас, если мы желаем охватить их понятиями. Обратимся к Диогену, - возможно, это легенда, а возможно и нет - которого Александр спросил, что может он сделать для его блага или, как сказали бы мы, для счастья. И Диоген попросил, как не очень многие на его месте, чтобы Александр не загоразивал ему солнце. Именно этого не хватало ему в этот момент для счастья. А что пожелали бы на его месте для своего счастья другие? Но пойдём дальше. Может ли счастье сладострастного человека, который считает свою жизнь счастливой лишь в том случае, если может удовлетворить все свои желания, возникающие из его страстей и побуждений, может ли это так называемое счастье быть таковым и для аскета, который стремится к совершенству и придаёт своей жизни значение лишь тогда, когда подвергает себя всевозможным лишениям и даже страданиям и боли, что не требуется от него с точки зрения обычных представлений о счастье или несчастье? Насколько различны представления о счастье и несчастье у этого аскета и сластолюбца! Но чтобы показать, как ускользает от нас любое, претендующее на всеобщность понятие о счастье, можно пойти ещё дальше. Нам нужно лишь представить, насколько несчастным может быть человек, который без каких-либо причин, без каких-либо реальных к тому оснований становится очень ревнив. Возьмём человека, который, не имея никаких оснований для ревности, полагает, что оснований для этого более чем достаточно. Он, не имея к этому ни малейшего повода, в глубочайшем смысле этого слова несчастен. Но величина, интенсивность несчастья зависит не от какой-то внешней реальности, но исключительно от того, как этот человек, а в этом случае совершенно иллюзорно, относится к внешней реальности.

Что не только несчастье, но и счастье, может быть в высшей степени субъективным, - на что нам указывает каждый шаг на пути из внешнего мира во внутренний - очень хорошо показывает один из рассказов Жан Поля, в котором человек, живущий на юге Германии, представляет себе, как был бы он счастлив, если бы стал шведским пастором. Он представляет себе изумительную сцену: он сидит в своём пасторском доме, опускаются сумерки, люди идут в церковь, каждый со своей свечой. Затем возникает образ из детства: его братья и сестры точно так же, как он представляет церковный ход в сумерках, идут каждый со своей свечой. Затем он представляет себе другую сцену, которая возникает просто благодаря определённым аналогиям, например: будто бы он в Италии; для этого ему нужно было только представить апельсиновое дерево и, так далее. Всё это, хотя и повергает его с состоянии счастья, происходит не в реальности, а удивительного только в мечтах.

Эти мечтания пастора указывают на глубокую взаимосвязь счастья и несчастья: как, в сущности говоря, вопрос о счастье или несчастье может быть связан не с внешним миром, а с внутренним миром человека. Удивительно, но здесь, поскольку счастье или несчастье может полностью зависеть от внутреннего мира человека, понятие счастья представляется нам отвлечённым и расплывчатым. Но если мы обратим внимание на то, что человек считает обычно счастьем или несчастьем, то окажется, что в большинстве случаев он вполне определенно указывает не на своё внутреннее, а на что-то внешнее. Мы могли бы даже сказать: у человека потребность в счастье глубоко связана со стремлением - не замыкаться со своими мыслями, чувствами и всеми внутренними состояниями исключительно в себе, но находиться в созвучии с окружающим его миром. - Человек, по сути дела, говорит о счастье тогда, когда хочет, чтобы его достижения или успехи зависели не только от него, но придаёт значение и тому, что от него не зависит. Нам нужно лишь - здесь безусловно большое и малое связаны друг с другом - представить себе счастье игрока. Счастье игрока мы могли бы сравнить - как бы парадоксально это ни звучало - с удовлетворением, которое получают от достигнутого познания. Ибо познание вызывает в нас чувство, что своими мыслями, своей душевной жизнью мы достигаем созвучия с миром, что даже в постижении нашего внутреннего существа мы обретаем связь с внешним, что мы не одиноки и мир является нам как загадка, а внутренние отвечает на внешнее. Этот внутренний живой контакт с внешним, которое вновь вспыхивает и отражается во внутреннем, а значит, имеет к внутреннему какое-то отношение, это соответствие внешнего и внутреннего и вызывает то удовлетворение, которое мы испытываем при познании. Анализируя

удовлетворение добившегося успеха игрока, мы можем прийти к следующему выводу: даже если он и не задумывается о причине своего удовлетворения, оно не возникло бы, если бы успех был вызван только его усилиями. Удовлетворение вызвано тем, что без его содействия вызывается нечто, что мир, как бы обращая на него внимание, даёт ему то, что идёт ему на пользу; что мир в этом случае показывает, что он не отделён от игрока, но имеет с ним определённый контакт, определённую взаимосвязь. А несчастье, которое переживает игрок при проигрыше, обусловлено, по сути дела, отсутствием такого ощущения; несчастье вызывается в нём чувством изолированности от мира, который словно не обращает на него никакого внимания, как если бы связь с ним была прервана.

Итак, мы видим: когда человек говорит о счастье или несчастье, он имеет в виду не только свой внутренний мир, но и ту взаимосвязь, что может быть установлена между ним и внешним миром. Поэтому человек нашего просвещённого века едва ли в отношении чего-либо другого так легко подвергается суеверию, ужасно гротескному суеверию, как в отношении счастья, которого ожидает от каких-нибудь внешних сил или элементов, которые могут ему помочь. В этом случае человек становится по-настоящему суеверен. Я был знаком с очень образованным немецким поэтом. В то время он писал драму. К назначенному им самим сроку эта драма не была закончена. Но он, будучи суеверен, полагал, что эта драма будет иметь успех лишь в том случае, если в начале следующего месяца будет представлена директору театра. Если это случится позднее, так он полагал, успеха она иметь не будет. В конце месяца я случайно встретил его на улице. Я уже знал, что он не успевает завершить свою работу. Я увидел, как он на двуколке спешно отправляется к почте. Я подождал его, он вышел и сказал мне: "Я отослал драму в театр". Я спросил: "Она завершена?". Он ответил, что хотя последний акт ещё не завершён, но драма уже отослана, поскольку, как он полагает, пьеса будет иметь успех, если только придет до конца этого месяца. А когда её вернут, он её допишет. Но отослать её следует именно к этому сроку! - Это говорит о том, что человек не полагается на свои возможности, но ожидает помощи извне: то, чему следует произойти, произойдёт не с его помощью, не с помощью его умения или энергии, но помощь придёт к нему из внешнего мира, которому нечто известно о нём, потому что он, как отдельная душа, не совсем одинок.

Всё это говорит лишь о том, что понятие счастья в его всеобщности ускользает от нас, если мы хотим постигнуть его. Оно ускользает и при знакомстве с литературой, в которой что-то написано о счастье, ибо о счастье обычно пишут люди, которые занимались этим теоретически. Теперь каждому известно, что правильным образом можно говорить лишь о том, к чему имеешь не только теоретическое, но непосредственное и живое отношение. Те же философы или психологи, которые пишут о счастье, знают непосредственно о счастье или несчастье лишь то, что пережили сами. Но есть один весьма убедительный фактор: познание себя, которое встречается нам во внешнем человеческом мире, знание, если оно берется в более высоком смысле, безусловно, означает некий род счастья. С этим согласится каждый, кто испытал тот внутренний восторг, который может дать познание, и это подтверждается тем, что выдающиеся философы, начиная с Аристотеля и вплоть до нашего времени, всегда относили к особому виду счастья обладание мудростью, знанием. Но, с другой стороны, мы, опять же, должны спросить: какое значение может иметь подобный ответ для тех, кто неделями, с небольшими перерывами, работает внизу в шахтах, или тех, кто погребён там заживо под обвалом и, возможно, не один день находится в ужасном состоянии? Какое отношение имеет подобное философское толкование счастья к тому, что живёт в душе человека, который вынужден заниматься рутинной, возможно даже отвратительной для него работой? - Жизнь на вопрос о счастье даёт удивительный ответ. И мы можем найти множество примеров того, что ответы философов на этот вопрос просто нелепы и часто не имеют ничего общего с тем, что может встретиться нам в повседневной жизни, если только мы рассматриваем эту жизнь в её истинном облике. Но и другому учит нас жизнь относительно счастья. Она являет нам удивительно противоречивые примеры счастья. И следующий случай скажет о многом.

Возьмём человека, наделённого высокими идеалами, даже способностью выдающейся фантазии, который вынужден выполнять рутинную работу. Ему пришлось почти всю жизнь быть простым солдатом. Я рассказываю о реальной жизни, а не легенде, о жизни замечательного человека, Иосифа Эмануэля Хильшера, который родился в 1806 г. в Австрии и умер в 1837. Большую часть своей жизни ему, несмотря на блестящие дарования, пришлось служить простым солдатом, он не поднялся выше этого звания и не был произведён в каптенармусы. Этот человек оставил после себя большое количество не только совершенных по форме, но и глубоко проникающих в душу стихов, а также замечательные переводы Байрона. Он жил богатой внутренней жизнью. Представьте себе ясно контраст между его внешней жизнью и внутренней. Его стихи ни в коей мере не проникнуты пессимизмом, но -силой и энергией. Они показывают, что эта жизнь, несмотря на многие свойственные подобной жизни разочарования, прошла в постоянном углублении и счастье. Жаль, что такие явления быстро забывают. Ставя время от времени такие явления перед взором, поскольку эти вещи можно научиться различать лишь постепенно, мы увидим, что даже там, где на первый взгляд нет ни малейшего намёка на внешнее счастье, у человека все же есть возможность творить состояние счастья из своего внутреннего существа.

Но при совершенно неверном или упрощённом понимании можно фанатично отрицать счастье

именно с точки зрения духовной науки, или столь же фанатично и односторонне объяснять жизнь из идеи повторных земных жизней и кармы. Это фанатичное отрицание счастья имело бы место в том случае, если бы некто, исходя из поверхностного понимания основ духовной науки, полагал, что все стремления к счастью и удовлетворению являются якобы эгоизмом, тогда как духовная наука стремится возвысить человека над эгоизмом. Уже Аристотель считал смехотворным утверждение, что добродетельный человек мог бы найти удовлетворение в страданиях. Но счастье может быть понято не только как удовлетворение эгоизма, ибо даже если оно и сводится лишь к нему, то уже не будет бесполезным для общего блага людей. Счастье может привести наши душевные силы к определённой гармонии и дать им возможность всесторонне развиваться, тогда как несчастье, вызывая дисгармонию в нашей душевной жизни, мешает нам проявить во всей полноте наши способности и силы. Рассматривая счастье, даже если к нему сначала стремятся из эгоизма, как воспитателя внутренних гармонических сил, мы можем надеяться, что человек, достигший благодаря счастью внутренней гармонии душевных сил, постепенно освободится от своего эгоизма, тогда как тому, которого преследуют несчастья, по всей вероятности, избавиться от эгоизма будет трудно. И если человек стремится к счастью из эгоистических побуждений, то благодаря гармонизации своих сил, он может действовать на благо себе и другим. Поэтому не стоит односторонне отрицать счастье. Но, с другой стороны, те, которые полагают, что уже близко подошли к духовной науке, усвоив поверхностно то или иное, опять же совершают ошибку, говоря следующее: я вижу счастливого человека и несчастного. Обращаясь к карме, причинно-следственной связи между отдельными жизнями, я могу легко объяснить, как несчастный человек сам подготовил свои несчастья в предыдущей жизни, а счастливый сам подготовил своё счастье. - Такое высказывание весьма рискованно, поскольку в определённом смысле верно. Потому что карму, то есть закон причинно-следственной связи между отдельными жизнями, нельзя брать только в смысле поясняющего закона, но следует рассматривать как нечто, что, проникая в волю, приводит нас к тому, чтобы мы жили в смысле этих законов. Этот закон оправдан и обоснован перед жизнью лишь тогда, когда он обогащает и возвышает её. Итак, мы видим, что стремление к счастью у человека сначала вызывается желанием не оставаться одиноким, но получить нечто от внешнего мира, который как бы обращает на него внимание. С другой стороны мы видим, что счастье вопреки внешним обстоятельствам может быть достигнуто исключительно благодаря внутреннему состоянию человека, благодаря тому, что он может извлечь из внешнего опыта. Как же разрешается это кажущееся противоречие не в области абстрактных или теоретических рассуждений, но в самой действительности? Мы можем разрешить это противоречие, направив духовный взор на то, что в предыдущих докладах мы назвали сущностным ядром человека, которое не только работает над внешним человеком, формируя его телесность, но и определяет место человека в мире. Если мы, имея в виду это средоточие нашего существа, спросим себя: какое отношение может иметь оно к счастью или несчастью? - то легко ответим на это, если примем во внимание, что это сущностное ядро человека может иметь отношение к тем или иным благоприятным обстоятельствам, так что человек может сказать: я задумал то или иное, я позволил то или иное, я применил свой ум, свою мудрость для того, чтобы произошло то или иное, но в том, что произошло, я вижу результат, далеко превосходящий мои намерения, способности моего ума и возможности моего предвидения. -Какой человек, берущий на себя полную ответственность, в бесчисленных случаях не сказал бы, что он хотя и применил силы, но полученный результат несоизмерим с затраченными усилиями. Что скажет человек, если мы понимаем его сущностное ядро не как нечто находящееся здесь всего лишь один раз, но как-то, что в смысле духовной науки охватывается в более полном развитии, что формирует не только одну жизнь, но многие жизни, что, следовательно, хочет одну жизнь в нашем непосредственном настоящем сформировать именно так, как она протекает, а затем это внутреннее сущностное ядро вступает через врата смерти в духовный мир и проходит его, чтобы по истечении определенного времени действовать в новой жизни в физическом теле, - что скажет человек, который таким образом понимает свое сущностное ядро и при таком понимании мира постигает сам себя, о том результате, который он получил подобным образом? Он никогда не скажет: мне выпало счастье, я доволен, я рад, что мои усилия, хотя я и желал малого, принесли мне гораздо больше! Человек, который серьёзно относится к карме и к повторным земным жизням и стремится жить в соответствии с этим, никогда не скажет этого, но скажет: я достиг незаслуженного результата. Но сам я ещё ему не соответствую. Я не удовлетворён им, но он научит меня укреплять свои силы, и я направлю зародыш в моём сущностном ядре ко всему большему и большему совершенству. Мой незаслуженный результат, мой счастливый случай показал мне, чего мне не хватает. Я должен учиться от него. - Тот, кто так относится к счастливому результату и правильно относится к карме, доверяет ей, не даст иного ответа. Что он тем самым делает? Такой счастливый случай, понимаемый здесь не в обычном смысле, но как некое событие, он не воспринимает как последнее, но - как начало, как первое, от которого он научится и которое прольёт свет на следующие ступени его развития.

Но что будет противоположным тому, что мы только что рассмотрели? Рассмотрим это правильно. Человек, полагающийся на повторные земные жизни и на карму, или на духовные причинно-следственные связи, получит стимул для пробуждения сил своего зародыша, если будет рассматривать счастливый

результат как начало, как причину для своего дальнейшего развития. В противоположность этому несчастный случай, постигнувший нас неудачу, нам следует рассматривать не просто как чистую случайность. И тот, для кого жизнь человека не ряд отдельных эпизодов, рассматривает это как окончание, как завершение, как нечто, причины чего следует искать в прошлом; как и результат, который наступает при счастливом исходе, своё воздействие простирает в будущее, в будущее нашего развития. Мы рассматриваем несчастье как последствие нашего собственного развития. Как это понимать? Что это означает?

Мы можем объяснить это с помощью сравнения, которое покажет нам, что мы не в любом возрасте можем выносить правильное суждение о причинно-следственных связях в жизни. Допустим, некий человек до 18-ти лет жил припеваючи за счёт своего отца и, как полагал, был по-настоящему счастлив. Но когда ему исполнилось 18 лет, отец разорился. Поэтому сыну пришлось оставить праздную и беспечную жизнь и чему-то учиться. Сначала, разумеется, ему пришлось испытать много страданий и горя. "Какое великое несчастье - восклицал он - меня постигло!" Вопрос лишь в том, мог ли он в этом возрасте выносить правильное суждение о своей судьбе. Обучившись чему-то серьёзному, он, возможно, в пятьдесят лет скажет: да, тогда я воспринимал как великое несчастье разорение отца. Теперь же я воспринимаю это как несчастье моего отца, но не моё; ибо я так и остался бы бездельником, если бы меня не постигло это несчастье. Но благодаря этому я стал порядочным человеком, стал тем, чем являюсь сейчас.

Итак, поставим вопрос: когда человек выносит правильное суждение о своей судьбе? В 18 лет, когда его постигает несчастье, или в 50, когда это несчастье осталось в прошлом? Допустим, он размышляет дальше и спрашивает о причинах своего несчастья. Тогда у него может возникнуть вопрос: почему же меня вообще постигло тогда несчастье? Сначала кажется, что несчастье меня постигло потому, что мой отец потерял состояние. Но допустим, что я ещё в детстве проявил бы необычайное усердие в учёбе и без внешнего принуждения усвоил бы очень многое, тогда меня не смутило бы разорение моего отца, я не воспринял бы это как несчастье. Кажется, что причина моего несчастья находится вне меня. Но в действительности она находится во мне. Ибо я рос и воспитывался так, что жизнь для меня тогда стала несчастьем, болью и страданием. Это несчастье вызвано мною.

Когда это говорит такой человек, то он уже немного понял, что всё подступающее к нам извне вызывается внутренним, что всё подступающее к нам мы можем понять как вызванное нашим собственным развитием.

Тогда о любом несчастье мы можем сказать: мы подверглись ему вследствие нашего несовершенства, оно указывает нам на то, что в нас что-то ещё не так совершенно, как должно быть. Здесь мы имеем случай противоположный успеху: несчастье понимается как следствие, как завершение того, что было вызвано нами в ранний период нашего развития. И если мы это несчастье вновь поставим перед душой, не сокрушаясь и не обвиняя лишь внешний мир, но обратимся к нашему внутреннему сущностному ядру и отнесёмся серьёзно к причинно-следственной связи между отдельными земными жизнями, то есть к карме, тогда мы воспримем несчастье как призыв к постоянному развитию, как призыв учиться у жизни и рассматривать жизнь как школу. И при таком отношении к карме, закону повторных земных жизней, она станет для нас жизненной силой и сделает нашу жизнь богаче и содержательней.

Теперь может возникнуть вопрос: может ли только знание закона кармы некоторым образом возвысить жизнь, сделать её богаче и содержательней, может ли это знание до некоторой степени преобразовать несчастье в счастье? - Несмотря на то что многим сегодня это может показаться удивительным, мне хотелось бы сделать одно замечание, которое с точки зрения духовной науки способствует более полному пониманию счастья и несчастья. Обратимся ещё раз к рассказанной Гамерлингом истории о девушке, которую несчастья преследовали до самой смерти и даже в могиле, ибо она была погребена заживо. Кто не проникает глубже в те силы, которые может дать познание, тот, безусловно, найдёт это парадоксальным. Но представим себе эту несчастную девушку среди людей, разделяющих духовно-научное мировоззрение настолько, что каждый человек говорил бы: во мне живёт духовное сущностное ядро, которое возвышается над рождением и смертью, которое в том, чем оно является со своими возможностями во внешнем мире, проявляет последствия истекшей земной жизни и развивает в себе силы для последующей. Допустим такое познание стало бы силой в душе той девушки, - вполне допустимо, что эти представления были бы выработаны - тогда эти представления укрепили бы доверие к внутренней силе нашего сущностного ядра. И далее можно было бы сказать: тогда эта сила, которая исходит из душевно-духовного центра и воздействует на телесность, - как это изложено с иной точки зрения в других докладах - тогда эта сила, которая теперь может быть осознана, действовала бы у этой девушки в своём здоровом проявлении и вызвала бы такое же доверие, которого достиг человек после смерти своего отца. Это кажется парадоксальным тем, кто не знает, какими силами обладает не абстрактное или теоретическое, но соответствующее реальности познание: оно действует в душе как зародыш сил.

Но такое решение вопроса о счастье едва ли принесёт утешение тем людям, чьи внутренние запросы

не удовлетворяются в течение всей жизни и которым приходится заниматься рутинной работой. Но мы понимаем, что такое сильное доверие к сущностному ядру, которое знает, что эта человеческая жизнь является лишь одной среди многих, может стать как бы пробуждающей силой. Благодаря моим связям со всем миром, частью которого, постигая себя духовно, я себя сознаю, во внутреннем существе моей души мне становится понятным то, что встречается мне сначала в жизни как видимость счастья или несчастья, как злая или добрая судьба. Обычное утешение не может помочь нам в несчастье, если мы относимся к нему согласно нашему ограниченному пониманию. Но если постигшее нас несчастье мы рассматриваем как звено в неразрывной цепи бытия - это должно помочь нам. Тогда мы говорим себе: рассмотрение отдельного звена означает лишь рассмотрение видимости, а не действительности, как в случае с тем, кто до 18 лет бездельничал, а когда его отец разорился, он рассматривал это как видимость, как настоящее несчастье, а не как причину своего будущего счастья. Так, постигнув эти вещи глубже, мы скажем: именно несчастные случаи ясно показывают нам, что рассмотрение жизни с одной точки зрения может дать нам лишь нечто совершенно иллюзорное; и то, что встречается нам как счастье или несчастье, являет лишь свою видимость, если мы рассматриваем их ограниченно, а свой смысл и сущность они открывают только тогда, когда мы рассматриваем их как часть человеческой жизни в целом. Но если бы мы всю эту жизнь человека ограничили лишь рождением и смертью, то никогда бы не поняли человеческой жизни, при которой человеческие отношения и прочая деятельность не приносят удовлетворения. Она станет понятной, объяснимой согласно реальным фактам только тогда, - это положение часто высказывается, но для реальной человеческой судьбы подтверждается лишь духовной наукой - когда мы знаем: если нами понято нечто, то оно ни имеет над нами больше никакой власти. И счастливый случай будет побуждением к дальнейшему развитию лишь для того сущностного ядра, для которого также и несчастный случай будет требованием дальнейшего развития. Это кажущееся противоречие разрешается тогда, когда мы при рассмотрении жизни направляем взор не только на подступающие к нам извне счастье или несчастье, но и на то, как преобразуем мы эти переживания в нашем внутреннем существе и что из этого делаем.

Если мы, следуя законам кармы, научимся не только удовлетворяться успехом, но и воспринимать его как требование к дальнейшему развитию, то таким же образом мы станем рассматривать несчастье и неудачу. Всё преобразуется в человеческой душе, и то, что является видимостью счастья или несчастья, становится в ней реальностью. Но это говорит о необычно многом и значительном. Допустим, человек, не разделяющий взглядов на повторные земные жизни, видит, как один, создав себе фантастические представления, страдает, например, от необоснованной ревности, или предаётся мечтаниям о счастье, а другой - из чистой фантазии, то есть из чистой видимости, а не из области реальных фактов, развивает внутреннюю действительность, развивает нечто, что для внутреннего мира на самом деле является самой настоящей действительностью, тогда этот человек скажет: разве возможно было бы такое невероятное несоответствие между внутренним миром человека и внешним миром, если бы оно имело отношение только к этой человеческой жизни? Когда человек проходит через врата смерти, то, безусловно, исчезает то, что он связывает здесь с понятием реальности, что живёт в нем как ревность или иллюзия счастья. Но то, что соединяется с его душой как радость и страдание, что образуется в его душе в результате переживаний, становится в его душе силой и живёт в ней, это связано с его дальнейшим развитием в мире. И мы видим, как посредством охарактеризованного преобразования человек призван развивать свою действительность из видимости.

Но тем самым мы объяснили то, о чём было сказано в самом начале: почему человек воспринимает своё счастье так, что не может связать его со своим Я, со своей индивидуальностью. Ибо, если он не связывает непосредственно со своим Я то внешнее событие, которое подступает к нему и даёт ему возможность развития, то он не преобразует его в своём внутреннем существе, чтобы бывшее прежде внешней видимостью стало внутренней реальностью. Благодаря этому человек становится преобразователем внешней видимости в бытие, в реальность. Но, окидывая взором окружающий нас мир, мы видим, что кристалл, растение и животное, сталкиваясь с внешними препятствиями, также не могут проявить во всей полноте законы своего внутреннего развития! Мы видим бесчисленные зародыши, которые гибнут едва возникнув. Но разве в этом случае мы не можем говорить о счастье или несчастье так же, как говорили только что? В этом случае внешнее не становится внутренним, оно не отражается во внутреннем, а видимость не может преобразоваться в реальное бытие. Лишь благодаря своему сущностному ядру человек может освободиться от непосредственной внешней действительности и пережить новую действительность. Эта действительность, которую он переживает в себе, отделяется от внешней жизни благодаря тому, что он может сказать себе: я живу, с одной стороны, в линии наследственности, неся в себе те переживания, что получил от родителей, их предков и так далее. Но я живу также и в потоке духовных причин и следствий, что может дать мне ещё нечто другое наряду с тем, что может принести мне во внешнем мире счастье. - Это говорит о том, что человек действительно принадлежит к двум мирам, миру внешнему и внутреннему. Если это хотят назвать дуализмом, то пусть назовут, но именно то, как человек преобразует видимость в бытие, в реальность, показывает нам, что этот дуализм также является лишь видимостью, ибо человек постоянно преобразует внешнюю видимость во

внутреннюю реальность. И далее жизнь показывает нам, как то, что мы, считая "нереальным", переживаем в фантазии, становится реальностью нашего внутреннего существа.

Мы видим, что счастье или несчастье тесно связано с внутренним человеческим существом. Мы видим, насколько тесно это связано с тем внутренним существом человека, которое, как показывает духовнонаучное мировоззрение, проходит через ряд повторных, земных жизней. Рассматривая этот вопрос так, мы можем спросить: не основываем ли мы внутреннее счастье на его внешней видимости и не считаемся ли с этим счастьем как с непреходящим в нашем развитии? - Всё внешне счастье, которое нам выпадает, удивительно верно характеризуется словами Солона, которые он, согласно легенде, сказал Крёзу: никто не может назвать свою жизнь счастливой, ибо всё, что выпадает нам как внешнее счастье, может измениться. Счастье может стать несчастьем. Чего же нам никогда не удержать от счастья? Того, что приносит нам внешний случай, будь это успех или неудача. И поэтому человек ко всем своим отношениям к счастью может применить прекрасную и верную пословицу: каждый кузнец своего счастья. В народе есть множество прекрасных и необычайно верных слов о счастье, которые свидетельствуют о глубоком понимании жизни простыми людьми. И те, кто считает себя очень образованными, могут у них бесконечно многому научиться. Разумеется, действительность является нам иногда в очень грубой форме. Есть и такая пословица, которая гласит, что с некоторыми человеческими свойствами не справиться даже самому Всевышнему. Но другая замечательная пословица говорит о том, что как раз эти человеческие свойства, с которыми не справиться и Всевышнему, связаны со счастьем, а именно: дураку везде счастье. Из этого не следует, что Бог пытается компенсировать недостатки этих людей счастьем. Но это указывает на наличие в этих пословицах ясного сознания о внутреннем существе и необходимости сделать внутренним то, что называют в миру человеческим счастьем. Ибо наша мудрость, поскольку она касается лишь внешних вещей и их взаимосвязей, нам, в сущности, мало помогает. Нам помогает та мудрость, которая может преобразоваться во внутреннюю, то есть вновь может достигнуть свойства, которым обладали ещё первобытные, примитивные люди, когда полагались на устойчивый центр своего внутреннего существа, которое возвышается над смертью и рождением и понимается лишь тогда, когда мы рассматриваем его в свете повторных земных жизней. Так отделяем мы всю область человеческого счастья, которая относится только к внешнему миру и является, собственно говоря, всего лишь видимостью счастья, от той истинной сущности счастья, которая возникает только тогда, когда человек может сделать из внешних фактов жизни нечто, может преобразовать их, может усвоить их своим развивающимся сущностным ядром, которое идёт от жизни к жизни. И тогда мы хорошо поймём Гердера, который в минуту болезни и глубочайших страданий сказал сыну: "Дай мне прекрасную и великую мысль, и она укрепит меня!" Мы буквально видим, как Гердер, страдая и мучаясь, ожидает света прекрасной и великой мысли как некой помощи, как счастья. Тогда мы имеем право сказать, что кузнецом счастья является внутреннее существо человека. Но если те воззрения духовной науки, о которых говорилось сегодня, мы поставим перед взором в их исполненных сил действенности там, где она является не только теоретическим познанием, но охватывает наше духовно-душевное существо, полностью наполняясь тем, что поднимается над счастьем или несчастьем, - если мы это мировоззрение постигаем таким образом, то оно, как никакое другое, может дать такие возвышенные мысли, что человек, даже если его постигнет несчастье, в это мгновение подумает: это, тем не менее, лишь часть всей моей жизни!

Этот вопрос о счастье был поставлен для того, чтобы показать, как соответствующие реальности мысли духовной науки о жизни в целом могут оплодотворить и наполнить воодушевлением повседневную жизнь, - что они воздействуют не только как теория, но дают силы самой жизни. И это главное! Мы должны дать не только внешнее утешение тем, кто, пробуждая внутренние силы, сможет перенести внешнее несчастье, но должны дать им реальные внутренние силы, которые из области несчастья возводят в ту область, к которой они принадлежат, хотя внешняя жизнь противоречит этому. Но это может дать лишь наука, которая показывает, как человеческая жизнь выходит за пределы рождения и смерти, как она связана со всем, что созидает отрадную основу нашего мироустройства. Рассматривая с точки зрения этого мировоззрения жизнь, человек может представить себя у штурвала корабля во время бури: кораблю угрожают вздымающиеся и опадающие волны, но человек, тем не менее, находит мужество искать опору не во внешнем мире, а в своих внутренних силах и в своём внутреннем существе. Тогда наше сегодняшнее рассмотрение может поставить перед нами идеал человека, на который указал Гёте. Но этому идеалу, который представлял себе Гёте, мы можем придать более широкое значение и понять его как нечто, что достигается, разумеется, не в одной жизни: человек, чувствуя себя в счастливых и несчастных волнениях жизни подобно кораблю, который штормовые волны бросают то вверх то вниз, всё же полагается на своё внутреннее существо. Немного изменив слова Гёте, мы охарактеризуем этот идеал так:

Но стоит он у руля, недвижим; Кораблём играют ветер, волны. Кораблём играют - но не сердцем мужа. Властно смотрит он в смятенный сумрак И вверяет гибель и спасение Силам своего внутреннего существа.

Состояние современной культуры и особенно перспективы ближайшего будущего придают всё большее значение самовоспитанию человека. И сегодня с точки зрения того духовного мировоззрения, которое я здесь представляю, будет рассмотрена, пусть хотя бы в общих чертах, эта обширная тема. Сразу же следует подчеркнуть, что в этом докладе в первую очередь будет сказано не о том самовоспитании, которое можно назвать воспитанием человека при духовном исследовании. Сегодня речь пойдёт скорее о том самовоспитании, которое играет роль в обычной, повседневной жизни, а значит - в определённой степени предшествует воспитанию при духовном исследовании, и которое имеет значение и ценность не только для духовного исследователя, но и вообще для любого человека.

Едва лишь речь заходит о самовоспитании, каждый, безусловно, чувствует, что это слово указывает на нечто противоречивое или, по меньшей мере, на то, что связано с определёнными трудностями. Почему? По той простой причине, что воспитание как таковое предполагает обращение к другому, к стоящему над воспитуемым. Но, говоря о самовоспитании, имеют в виду, разумеется, то воспитание, которое человек может обратить на самого себя, то есть то воспитание, при котором человек в некоторой степени является как воспитуемым, так и воспитателем. Тем самым, разумеется, тот час указывается на существенное противоречие.

Обратимся ещё раз к тому, что говорится о воспитании ребёнка, а затем и подростка, с точки зрения духовной науки. Всё это вы найдёте в небольшой брошюре: "Воспитание ребёнка с точки зрения духовной науки". Сегодня, естественно, нет возможности хотя бы в качестве введения подробнее остановиться на содержании этой брошюры. Следует лишь обратить внимание на то, что, рассматривая реального, действительного, всего человека с точки зрения духовной науки, мы, прослеживая его развитие до определённого возраста, предполагаем как бы некоторые главные импульсы воспитания. Мы находим, что приблизительно до семи лет, то есть до смены зубов, воспитание должно исходить из того, что можно назвать подражанием, стремлением ребёнка к подражанию. В этой работе подчеркивается, что в первое семилетие для воспитания ребёнка гораздо большее значение, чем все моральные правила и прочие указания, имеет то, что видит и слышит ребёнок от окружающих его взрослых. Продвигаясь дальше, мы находим в жизни ребёнка тот важный отрезок времени, который начинается со смены зубов и продолжается до полового созревания. Здесь, освободившись от всех предрассудков и обратившись лишь к реальному развитию человека, к реальным условиям этого развития, мы вновь находим для этого возраста очень важный воспитательный импульс, который называем авторитетом. И в этом возрасте воспитание будет здоровым тогда, когда ребёнку противостоит человек, к которому он имеет доверие, веру, так что без всяких рассудочных идей, без вмешательства всякой незрелой критики, но только на авторитете этого находящегося с ним рядом лица ребёнок может образовать свои принципы, свои правила поведения. Принцип авторитета в этот период является здоровым воспитательным принципом. В этой брошюре вы найдёте обоснование того, о чем говорится здесь. Рассматривая затем человека до 20-21-го года, мы, исходя из основных условий его развития, найдём, что главное здесь - зрелость разума и обращение к постигаемому душой безличному идеалу, то есть к чисто духовному импульсу воспитания, который возвышается над тем, чем человек хочет стать в этом возрасте. Сущность идеала заключается именно в том, что мы, стремясь к нему, всякий раз чувствуем, особенно в юности, насколько мало мы всем своим поведением и существом соответствуем ему, что этот идеал витает над нами подобно небесному образу, а мы стремимся к нему и осознаём, что никогда его, собственно говоря, не достигнем. И только когда проходит этот отрезок времени, человек достигает того периода своего земного бытия, с которого мы и можем начать собственно самовоспитание и говорить о нём в более узком смысле слова. За исключением последнего, третьего воспитательного импульса, при котором молодой человек воспринимает в качестве идеала великие импульсы мировой истории и другие идеалы человечества, что он, впрочем, тоже воспринимает извне, остальные воспитательные импульсы, например, принцип авторитета, основаны на том, что можно назвать отношением к другому, то есть к тому, что, как предполагается, является более совершенным?. Таким образом воспитуемый противостоит этим импульсам, которые даются ему для воспитания как нечто внешнее, он взирает на них.

Если же речь заходит о самовоспитании, то становится ясно, что невозможно говорить о нём так же, как говорят об импульсах воспитания в первые годы жизни человека, и вот почему - я имею в виду сейчас не только логическое, но смысловое противоречие. Если человек хочет стать своим собственным воспитателем, то предполагается, что импульсы к этому находятся в нём самом. Но если человек хочет стать своим собственным воспитателем, не следует ли из этого с неизбежностью то, что он благодаря собственному воспитанию меньше продвинется, меньше разовьётся, или даже ограничит свои условия жизни, а не обогатит их? Не приведёт ли это к тому, что он возьмётся за определенные вещи, которые вбил себе в голову или принимает на свой счёт, а те богатые возможности, которые могло бы проявить его внутреннее существо, будут погребены, - не приведет ли его такое самовоспитание к ограничению, вместо развития и совершенствования? Не напрашивается ли это противоречие само собой?

Мы видим, как в сложившихся условиях современной культуры в силу необходимости возникает всё больший интерес к самовоспитанию, возникают различные взгляды на самовоспитание, на воспитание личности, индивидуальности. Нам это понятно. Нам не нужно обращаться к древней Индии или к современной реанимации её древнего наследия, нам не нужно обращаться к древнему Египту, чтобы понять, как деление на касты изначально ставило человека на определённое место в жизни и делало для него невозможным свободное развитие, и как: определялся, и даже определяется ещё сегодня, социальным происхождением род и образ его поведения. Нам не нужно обращаться к древним эпохам. Нам нужно лишь обратиться к более близкой нам эпохе, характерные черты которой полностью повторяются в нашей, и мы увидим, насколько человек был зависим, а частично ещё зависит и сегодня, от кровного родства, от принадлежности к определённому народу, к определённой касте и так далее. Но с другой стороны мы видим, как из этих социальных условий в наше время образуется нечто совершенно другое, образуется то, что всё больше и больше ставит человека непосредственно перед человеком; как при таком социальном порядке человек противопоставляется другому человеку. Мы видим, как человек не только противопоставляется другому человеку, но всё больше и больше опирается на самого себя, когда видит противопоставленными себе природу и весь мир. Мы видим, как в течение жизни ему приходится обращаться к своим собственным суждениям, к образованным в его душе убеждениям, к тому роду и образу, как он может думать и размышлять о моральных, эстетических и религиозных отношениях. Совершенно ясно, что этот, всё более и более опирающийся на самого себя человек должен исходить из предпосылки: в глубинах своей души я должен искать то, что меня противопоставляет как человека человеку, что меня, как человека вообще, наиболее удовлетворительным образом ставит в мире.

Нам ясно, что в виду этих предпосылок все более настоятельно должен звучать призыв к самовоспитанию человека. Как человеку следует вести себя, если он по совершенно определённым правилам должен поставить себя в жизни и в мире, - это может быть заложено при воспитании ребёнка. Но так как наша жизнь всё больше развивается и должна развиваться, ибо этому не сможет препятствовать никакая сила в мире, то оказывается, что человек в течение всего земного бытия всё больше и больше чувствует внутреннюю потребность в любой жизненной ситуации, какие бы отношения не связывали его с другими людьми, развивать непредвзятое суждение. Для достижения всё большего и большего совершенства в своём отношении к миру, человеку приходится всю жизнь работать над собой. И в этом смысле важнейшие импульсы не могут быть даны в детстве. Но если человек хочет занять своё место в мире, опираясь в любом возрасте на самого себя, тогда в то время, когда он больше не желает воспитываться другими, он становится своим собственным руководителем, своим собственным воспитателем, то есть становится тем, который делает все более совершенным самого себя. И мы видим, как нашу литературу и общественную жизнь буквально затопили всевозможные воззрения на развитие личности, на развитие индивидуальности, на стремление к достижению жизненной гармонии и тому подобное. В наше время всё это вполне понятно, даже естественно. Но кто вникает в эти вещи глубже, вскоре заметит, что в этих современных стремлениях часто выражается именно то, что было только что охарактеризовано как импульс, ведущий более к ограничению жизни, нежели к её совершенству и развитию.

Мы видим, как один, стремясь к тем или иным идеалам, даёт наставления, те или иные рекомендации, следуя которым люди должны развиваться внутренне. Другой, руководствуясь личным вкусом или симпатиями, отдаёт предпочтение физическим рекомендациям, которые предписывают людям всяческие физические упражнения, ту или иную диету, тот или иной распорядок дня и так далее. Как уже сказано, такие рекомендации прямо-таки наводнили нашу общественную жизнь и нашу литературу. Но сразу же следует заметить, что здесь не будут высказаны мнения, порицающее или критикующее подобные стремления, в них может быть очень много хорошего. Но многое может быть и односторонним, как, например, те стремления, которые изложены в книге "В гармонии с бесконечным" Ральфа Уальда Трине. Ибо разделяющий подобные идеалы усваивает очень ограниченные представления о развитии гармоничной жизни, а потому не столько разовьёт свои жизненные силы, сделает их богаче, совершеннее", сколько ограничит и обеднит их, пусть даже такое ограничение, возможно, и вызовет в нём сиюминутные удовольствия, внутреннее удовлетворение или воодушевление. Но можно не обращать внимание на то, что именно в наше время увлекаются самыми курьёзными странностями, можно даже сказать фантазиями, и каждому предоставляется возможность, не очень утруждая себя такими вещами, расхваливать как общечеловеческое свои личные предпочтения. Рассматривая самовоспитание с точки зрения духовной науки, следует глубже вникнуть в человеческую природу. Своеобразие духовной науки заключается в том, что она избегает односторонности других учений, что она, рассматривая другие стремления вокруг себя как небольшие фрагменты, хочет стать объемлющим их кругом и познать предпосылки человеческой жизни, исходя из природы человека в целом. Всегда удобнее следовать одностороннему направлению, которое обещает в кратчайшие сроки поправить здоровье, улучшить память или добиться в жизни практического успеха. Этот путь удобнее, а путь духовной науки более труден и менее удобен, но он опирается на цельную природу, на цельное существо человека.

Теперь, если мы вновь обратимся к тому времени, когда человека в силу его возраста надлежит ещё воспитывать другим, мы можем найти там не только некоторые элементы самовоспитания, но и указание, как осуществить это самовоспитание наиболее благоприятным образом. Это может показаться ещё большим противоречием, чем приведённое выше, но это не так. Духовная наука показывает нам, что человеческое "я" является более обширным, чем то, что заключено непосредственно в личности. Да, всё духовнонаучное рассмотрение исходит из того, что человек до некоторой степени может подняться над самим собой, выйти за пределы своей личности, и, тем не менее, не потерять себя. Имеются ли в обычной жизни примеры того, что духовная наука хочет представить более всеобъемлющим образом во всех сферах бытия? Да, в обычной жизни есть две вещи, которые показывают, что человек может подняться над своей личностью и, тем не менее, остаться собой, не потерять себя. Первая известна нам как сострадание, сочувствие, соучастие, -то, что мы называем всеобъемлющей любовью. Откуда проистекают эта любовь, это сочувствие и это сострадание. Они кажутся не такими таинственными, каковы на самом деле, только потому, что человек не замечает привычное. Как дикарь воспринимает восход и заход солнца как обычное явление, не спрашивая о причинах, а начинает размышлять об этом, когда становится образованным, так и человек обычно не задаётся вопросом о соучастии и сострадании. Он лишь тогда стремится понять цель и смысл жизни, когда нечто подобное соучастию и состраданию становится для него загадкой, тайной жизни. Нам нужно лишь обратить внимание на одно явление, и мы сразу поймём, что сочувствие и сострадание являются расширением "я", о котором сказано выше.

Радость и страдание, которые переживаются человеческой личностью, являются глубочайшими и интимнейшими переживаниями. Когда мы находимся перед другим человеком, и в нас вспыхивает импульс, который отражает в нас его радость или страдание, тогда мы живём не только в себе, но и в другом. И все философские измышления, что посредством чувственного впечатления каким-то образом в нас вызывается нечто подобное, уводят нас от реальности, ибо благодаря сопереживанию радости и страдания другого в нас возникает нечто активное. Когда мы интимно переживаем его радость и страдание, мы выходим из себя и проникаем в самое сокровенное другого человека, - в то, что мы и в себе ощущаем как своё самое сокровенное. И теперь нам следует лишь представить себе, что мы своим сознанием не можем перенестись в сознание другого, что никем, впрочем, и не отрицается: в то мгновение, когда мы воспринимали бы сострадание или разделённую радость в отделившейся от нас душе и словно в обморочном состоянии переживали бы душу другого, одной личности было бы невозможно перейти в другую, не потеряв при этом себя. - Это так необычно, так значительно в нашей жизни: мы проникаем в другое существо и не теряем себя, мы выходим из себя и живём в другом, не теряя при этом себя.

Точно таким же, и никоим другим, образом происходит и всё духовно-научное развитие. Как человек посредством соучастия и сострадания проникает в другое существо, не теряя при этом себя, так и при духовном исследовании проникает он, познавая, в другую сущность, не теряя себя. Это невозможно в обычной жизни, ибо если человек в обычной жизни, воспринимая и познавая, выходит из себя, он тотчас засыпает, он не находится больше в себе. В обычной жизни человек не делает того, что совершает в моральной жизни лишь в случае сопереживания и сострадания. Поэтому своеобразный образ действий человека при сопереживании и сострадании является образцом для всей духовно-исследовательской деятельности; она протекает так же, как протекает обычная жизнь в сопереживании и сострадании. В этом, первом, случае человек выходит из своей собственной личности, не теряя при этом самого себя.

Второе, что в обычной жизни также относится к области морали, мы переживаем в импульсе совести. Кто исследует совесть, - теперь речь пойдёт о совести - знает, что человек, прислушиваясь к голосу совести, воспринимает нечто, что уже возвышается над его личными симпатиями и антипатиями, которые даже могут в значительной степени исправиться. Опять же, природа нашей моральной жизни такова, что мы, выходя посредством таких суждений совести из самих себя, не теряем себя и не лишаемся чувств. Всё духовное познание основывается на том, что человек может достигнуть сферы, области, которая находится вне его личности и которую он не охватывает своим повседневным сознанием, своей повседневной жизнью, и в пределах этой сферы, если он в ней подвижен, он тем не менее не теряет себя. Но не касается ли это, если мы рассматриваем эту тему непредвзято, того, о чём мы постоянно говорили в этих докладах: познания повторяющихся земных жизней и причинно-следственных связей между ними? Это также касается этого. Человек, который между рождением и смертью опутан обычным сознанием, благодаря духовной науке учится познавать: то, что он здесь охватывает своим суждением и своей памятью, следует рассматривать как его личное "я". Но когда он своим мышлением, оставляя это "я", поднимается к тому Я, которое живёт не только благодаря инструменту его тела, но само его созидает, которое не только живёт в этом теле между рождением и смертью, но, проходя через многие рождения и смерти, постоянно появляется на земле, тогда он учится познавать, что это Я есть его Я. Если человек обычно не имеет никаких воспоминаний о прежних ступенях развития земли, если он обладает лишь теоретическими познаниями о повторяющихся земных жизнях и о воздействии причин, передающихся из одной земной жизни в другую, то он всё же может предполагать, что в нём есть то, что не исчерпывается его личностью, но является как бы сверхличным; что свою теперешнюю личность он сотворил сначала

сам, она создана им в прошлом. Как мы в нашей совести, в сочувствии и сострадании поднимаемся над собою посредством непосредственного опыта, так и духовнонаучное исследование через опыт поднимается в более высокую область. Но человек, знакомый с духовной наукой, никогда не согласится, что в этих более высоких областях он теряет себя; здесь правит нечто, с чем он связан, к чему он принадлежит, и в чём он совсем не теряется.

Так духовная наука по этому образцу воспринимает более высокое Я всеобъемлющего существа, как мы в сочувствии и сострадании воспринимаем, не теряя себя, другое существо. Итак, если мы познаём наше более высокое Я, благодаря которому мы вступаем во внутреннее другого существа, то в отношении ребёнка мы также можем сказать, что помимо того, что мы можем сделать как обладающие обычным сознанием воспитатели, имеется нечто подобное, находящемуся вне обычного "я", высшему существу, которое работает над ребёнком. Поставив это пред нашим взором, мы, возможно, найдём, что ребёнок уже подвергается некоему роду воспитания в то время, когда мы наше обычное воспитание можем применить лишь к его личному "я". Где находим мы у ребёнка действие этого более высокого Я, более высокого существа, которое принадлежит ребёнку, но не вступает в сознание? Хотя это и покажется странным, но тем не менее оно действует в ребёнке при настоящих, хороших играх. В детских играх мы можем лишь создать условия воспитания. Но то, что осуществляется через игру, вызывается, по сути, собственной деятельностью ребёнка, которую нам не следует ограничивать строгими правилами. Да, главный воспитательный элемент игры заключается именно в том, что мы отказываемся от своих правил, от педагогических методов и предоставляем ребёнку его собственным силам. Что же делает ребёнок, когда мы предоставляем его своим собственным силам? Тогда ребёнок испытывает на внешних предметах - вызывается ли то или иное его собственной деятельностью. Он приводит свою волю в действие, в движение. И то, как ведут себя внешние вещи под воздействием его воли, приводит к тому, что ребёнок совершенно по другому, чем при воздействии личности или её педагогических принципов, воспитывается в жизни, даже если он только играет. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы в игры детей мы вносили как можно меньше рационального. Чем больше в игре непонятного, чем больше подвижности, тем лучше игра. Поэтому, если мы даём ребёнку игрушку, которая так или иначе инсценирует движение людей или предметов, пусть это книги с движущимися фигурками людей или животных, то с помощью такой игры мы воспитываем его лучше, чем с помощью самых красивых кубиков. Ибо в это привносится слишком много разумной деятельности, которая принадлежит к личному принципу, а не того живого продвижения на ощупь, что не охватывается рассудком, но проявляется во всей своей полноте. Чем меньше в игре заданности и продуманности, тем она лучше, потому что более высокое, которое не может пробиться в человеческое сознание, может войти в него именно тогда, когда ребёнок экспериментирует, а не относится к жизни рассудочно. Здесь ребёнок воспитывается тем, что выходит за пределы личности.

В определённой степени игра остаётся очень важным фактором воспитания на протяжении всей жизни. Здесь, разумеется, имеется в виду не игра в карты, ибо все основанные на рассудке, на комбинирующем мышлении игры обращены к человеческой личности, связанной в основном с инструментом мозга. Об игре в шахматы хотя и говорится много хорошего, но она не может стать фактором самовоспитания потому, что связана большей частью с инструментом мозга, который лишь комбинирует. Напротив, когда человек, занимаясь физкультурой или гимнастикой, приводит свои мышцы в движение, тогда он совсем не комбинирует, совсем не напрягает свой рассудок, но работает непосредственно мышцами, то есть работает с действием, а не с понятиями, тогда мы имеем дело с воспитывающей нас игрой. Из этого мы можем вывести важнейший принцип самовоспитания. Он заключается в том, что человек, который должен сам воспитывать как свою волю, так и свой интеллект, при воспитании своей воли прежде всего будет вынужден содействовать этому воспитанию воли, этой культуре воли в общении, во взаимоотношениях с внешним миром. Воля не может воспитываться подобно внутренней мыслительной деятельности или внутренней работе над представлениями, но человек, обретая во внутреннем точку опоры, укрепляет волю тогда, когда он эту культуру воли вырабатывает во взаимоотношениях собственной воли с внешним миром. Поэтому обычному, внешнему и повседневному самовоспитанию наносится значительный ущерб, когда волю для внешней жизни пытаются укрепить с помощью внутренних приёмов, внутренней тренировки.

Здесь мы подходим к недостаткам современного самовоспитания, о которых достаточно часто предостерегалось с точки зрения духовной науки. Сегодня людям предлагается, как стать самоуверенными и производить впечатление на других, как тренировать свою волю, чтобы найти свое место в жизни и совершать поступки, соответствующие их намерениям. Предлагаются, например, упражнения для избавления от страха, любопытства и других страстей и негативных чувств, словом - работа над негативными чувствами и ощущениями. Я знаю, что многие, услышав это, скажут потом: сегодня оспаривалось господство над страхом, страстями и так далее. Но это не так, говорилось о том, что эти требования, которые человек ставит перед собой, совсем не приводят к настоящей, годной для внешней жизни культуре воли. Ибо эту культуру воли, в которой человек нуждается для внешней жизни, он должен обрести во взаимодействии с внешним миром. Будет гораздо правильнее, если человек, нуждающийся для

жизни в сильной воле, пытается обрести её благодаря тому, что ему приходится доказывать на деле свои силы, напрягать своё тело и внимание, то есть действительно вступать в непосредственное взаимодействие с чувственным миром. Именно это приводит нас к гармонии с внешним миром, с тем внешним миром, из которого сформированы сила наших мышц и вся наша физическая, хотя и коренящееся в духе, организация.

Направляя наше самовоспитание таким образом, мы работаем также и над теми частями нашей духовной организации, которые приводят нас к гармонии с тем внешним миром, который нас непосредственно окружает. Но когда мы, концентрируясь на мыслях и так далее, делаем внутренние упражнения, которые можно найти сегодня в различных книгах, то мы работаем отдельно от мира в нашей обособившейся душе, которая не находится в гармонии с миром, что как раз и означает её изоляцию. А кто подвергается внешней опасности и пытается её преодолеть, занимается гораздо лучшим самовоспитанием, чем тот, кто покупает какую-либо книгу о самовоспитании и начинает делать упражнения по выработке бесстрашия, бесстрастности и так далее. Такой более легкий способ, безусловно, может помочь человеку достигнуть личной пользы, но при этом он всегда, развивает то, что отделяет его от мира, тогда как в первом случае он ставит себя в мир бессамостно. Я уже сказал, что это могло бы многим дать повод подумать: он высказывается против бесстрашия, бесстрастности и против всего, что преодолевается человеком при самовоспитании. -Но в этом случае имеется в виду развитие воли для внешнего физического мира, когда человек хочет воспитать в себе энергичную и крепкую волю во внешнем мире, но когда дело касается внутренней работы, то применение этих вещей при воспитании характера, при воспитании воли будет неправильным. Правильно они применяются при воспитании нашего познания.

Кто желает достигнуть познания, кто хочет достигнуть созерцания сверхчувственного мира и не имеет другой цели, кроме созерцания сверхчувственного мира, тот, делая такие упражнения, поступает правильно. Поэтому в духовной науке не даётся никаких специальных указаний: как развить силы и волю для повседневной жизни? - но даны указания: как достигнуть познания высших миров? Где даны подобные указания, там самым точным образом обращается внимание на их назначение. Эти вещи, которые описаны в моей книге "Как достигнуть познания высших миров?", ведут и к культуре воли, но не прямо, а косвенно, поэтому кто стремится к этому достижению высших миров, тот ждёт, когда это наступит. Тогда развитие воли приходит само, тогда оно осуществляется правильно и следует здоровым путём.

Поэтому культура воли, самовоспитание воли должно опираться в основном на то, что человек свою обычную, находящуюся в физическом мире природу приводит в здоровые связи с внешним миром, будь это связи касающиеся больше культуры тела или же воспитания характера. Вместо того, чтобы размышлять о достижении бесстрашия, бесстрастности и так далее, гораздо важнее противостоять жизни, противостоять другим людям, а затем довериться своему непредвзятому чувству, что играет внятными оттенками и выражается то в симпатии, то в антипатии. Проявляя в жизни повсюду активное участие, мы приводим нашу волю во взаимодействие с внешним миром, которое действительно ведёт эту волю от ступени к ступени. Стало быть, противопоставляя себя жизни, находясь в гуще жизни со всеми симпатиями и антипатиями, которых она от нас требует, мы воспитываем нашу волю. Другими словами: то, что выводит нас из себя и ведёт в мир, развивает нашу волю. Всё, что уводит нас от мира и приводит к нам самим, способствует - и здесь это опирается на здоровую основу - нашему познанию, именно благодаря этому продвигается наше внутренняя жизнь дальше, когда мы желаем развить собственное познание, свою внутреннюю жизнь. Но собственное познание относится к области собственного развития, душевного развития. Так что нам следует признать, что мы становимся более гармоничными в постижение жизни, в решении жизненных загадок, когда развиваем внутренние силы. И напротив, воля для обычной жизни правильно воспитывается лишь в самой жизни.

Этим мы показали, где на самом деле следует искать учителя, которым, если дело касается самовоспитания, человек должен стать сам. Но если при самовоспитании дело касается воли, человеку не следует опираться на свою ограниченную личность. Когда мы благодаря духовной науке достигаем того, что можем оставить свою личность, не теряя самих себя, когда мы, непосредственно участвуя в жизни, позволяем ей действовать на нас так же, - это сравнение следует понять правильно - как действует игра на ребёнка, тогда мы воспитываем нашу волю. Но как? Проникая своим разумом в вещи, мы усваиваем определённое понимание жизни, воззрение на жизнь. Эта культура разума в действительности не способствует нашему развитию, а значит - не имеет никакого значения для самовоспитания. При самовоспитании человека наибольшую роль играет тот элемент, который выходит за пределы интеллекта и рассудка и способствует жизненной зрелости. И как ребёнок лучше всего воспитывается благодаря игре, в которой он не опирается на рассудок, но приобретает опыт, так и человек лучше всего воспитывает свою волю на тех опытах жизни, которые он не постигает своим разумом, но к которым относится с симпатией, с любовью, с чувством, что возвышают вещи или освещают их юмором. Это ведёт нас дальше. В этом заключается самовоспитание воли. Разум, интеллектуальная культура обычно не оказывает на волю совсем никакого влияния. Посмотрим, как действует на волю непосредственные переживания.

Один, не разделяющий взгляда на перевоплощения философ-моралист, Карнери, обратил внимание

на то, что характер ребёнка хотя и есть нечто постоянное, но формируется из тех элементов, которые предоставляются самой жизнью. Затем он спрашивает: благодаря чему может измениться в очень короткое время характер человека? И отвечает: он может радикально измениться, например, благодаря глубокой любви или дружбе, когда человека внезапно охватывает такая симпатия, при которой, не раздумывая, он увлекается другим. -Тогда характер может совершенно измениться просто потому, что из сферы характера, то есть из сферы действия воли, душевное состояние непосредственно изливается в жизнь. Если мы, обращаясь непосредственно к разуму, даём тому или иному человеку ту или иную оценку, наш характер не меняется, иначе судьбе пришлось бы не раз меняться в течение недели. Но если возникает то или иное дружеское чувство, тогда часто меняется вся конфигурация человеческого характера. Это неопровержимо доказывает, что культура нашей воли зависит от проявления и развития душевного состояния в жизни. Но здесь мы определённым образом можем взять нашу жизнь в руки, и, как говорится, побудить себя к некоторой корректировке душевных состояний, тогда мы в некоторой степени возьмём в свои руки и воспитание нашей воли. Речь идёт лишь о том, что мы обращаем тогда внимание на жизнь, мы не живём бездумно и беспорядочно, не отдаёмся потоку жизни наиболее удобным нам образом, но именно обращаем внимание. Итак, воспитателем самого себя станет скорее тот человек, который сможет, пусть немного, взять в руки свои душевные состояния, а тому, кто не владеет своими душевными состояниями, но постоянно растворяется в них, едва ли это удастся.

Поэтому, если мы хотим воспитать нашу волю, то, желая достигнуть этого косвенно, мы должны, обратившись к нашим чувствам и ощущениям, исследовать в процессе самопознания, как нужно над ними работать. Когда мы теряем себя в симпатиях или антипатиях, тогда, разумеется, мы не в состоянии работать над собой. Поэтому для воспитания воли следует выбирать те моменты, когда мы не особенно охвачены нашими душевными состояниями, но можем размышлять над нашей жизнью и нашими чувствами. Это означает, что самовоспитание происходит именно тогда, когда наступает соответствующий для нас момент. Но человек должен заниматься этим хотя бы не в экстремальной ситуации. И кто затем опять поддается своим душевным настроениям, лишь позднее заметит, что он нечто упустил. Но тогда, когда он в некоторой степени свободен от жизненных обязательств, это забывают, об этом не помнят. Согласно этому важному закону, воля воспитывается в жизни тогда, когда человек со знанием дела овладевает течением своих душевных настроений.

Напротив, воля всегда будет развиваться к себялюбию и эгоизму, если человек тренирует её, опираясь на интеллект, хочет с помощью интеллекта сделать её стойкой и сильной для жизни. Такие упражнения пригодны для нашей культуры познания, для того, чего мы хотим достигнуть в спиритуальной или в душевной области. Здесь мы не можем сделать ничего иного, как только работать в нашей душе над собой. При этом особенно важно вновь обратить внимание на существенную противоположность между самовоспитанием внутренней жизни и самовоспитанием для внешней жизни. Поскольку как в отношении того, так и другого совершается множество ошибок, мы видим сплошные односторонности. Стоит ли предлагать человеческому телу всё что угодно? Возможно, это случается уже реже, но некоторые люди, укутывая себя, ещё полагают, что этим спасаются от жары. Ещё более популярна односторонняя система закаливания, которая рекомендует солнечные и воздушные ванны как панацею от капризов погоды. Главное не в том, что человек с той или иной целью, которая ему совершенно не ясна, какое-то время жарится под солнцем, что иногда совершенно бесполезно и непригодно как воспитательное средство, или обливается холодной водой, но главное для телесности заключается, говоря одним словом, в многосторонности, которая даёт телу возможность то подвергаться холоду, не переохлаждаясь, то переносить палящий солнечный зной. Поэтому грамотное самовоспитание, как правило, в отличие от большей части современных рекомендаций, обращает внимание на то, чтобы всё действовало на нас в определённой гармонии.

Именно противоположность хороша для нашего тела, а значит - для духа и души. Если внешнему телу нужна многосторонность, приспособление к внешним условиям, то душа нуждается для интеллектуальной культуры в концентрации, в способности постоянно сводить сумму мыслей, ощущений и восприятий к одной основной идее. И человек, который не стремится при своём интеллектуальном самовоспитании сводить всю сумму своих познаний к одной основной идее, которая может охватить всё остальное, увидит, что страдает его память, его нервная система, а также тот род и образ, как он ставит себя в жизни. А кто может сводить определённые вещи к основной идее, увидит, что может сохранять спокойствие там, где внешняя жизнь требует от него поступков. Но кто не приводит к основной идее то, что предлагает ему жизнь, тот будет плохо себя помнить, будет неплодотворен для жизни, а также не достигнет соответствующей гармонии с жизнью. А поскольку в наше время так мало доверия к концентрации духа и потому так мало к этому стремятся, то и появляется множество происходящих от недостатка самовоспитания недугов, среди которых мы можем назвать в первую очередь нервность. Если волю тренирует, приводя свои мышцы во взаимодействие с внешним миром, то нервную систему тренируют через духовную концентрацию. Словом, всё, что действует изнутри наружу и проявляется, в конечном счете, в нервной системе, требует сведения нашего жизненного опыта посредством

воспоминания к отдельным идеям. Если человек хочет противостоять жизни укреплённым внутренне, необходимо воспитание нервной системы и того духовного, что лежит в её основе.

В этом вопросе нам не следует соблазняться более новым, материалистическим воззрением, даже если старое с точки зрения современной гуманности может быть подвергнуто сомнению. Обычно путают две вещи. Нервным человек может стать не благодаря воспитанию своей воли, но благодаря неправильному её воспитанию. Культура воли может вести к нервозности, если человек ищет её не на том пути, если он, вместо того чтобы вступать в связь с внешним миром и закалять свою волю в его препятствиях и трудностях, хочет с помощью всяческих внутренних средств действовать лишь в области представлений. Благодаря этому он может легко прийти к нервозности воли. К нервозности сегодня принято относиться довольно снисходительно. Карнери приводит интересный случай. Один помещик, обычно совершенно добродушный, впадал иногда в такие душевные состояния, что избивал своих людей, а так как это было уже в наше время, то это называли особым случаем нервозности. Люди очень страдали от этих душевных состояний помещика, но те, понимание которых ограничено в основном современными представлениями, выражали ему сочувствие по поводу того, что в таких состояниях ему приходится совершать подобные безобразия. Это продолжалось до тех пор, пока однажды, так рассказывает Карнери, этот помещик, как говорится, не на того напал. Тот, которого он намеревался поколотить, взял палку и так отделал помещика, что он неделю не вставал с постели. Теперь представьте себе: если раньше душевное состояние помещика вызывало сочувствие, то теперь сочувствие в его адрес совсем прекратилось, а сам он спустя некоторое время совершенно изменился. - Я не хочу в связи с этим давать советы, но, тем не менее, такие жизненные факты весьма поучительны. И если мы их исследуем, то поймём: если бы помещика уговаривали, он так бы и остался нервным. Если бы воздействовали на его разум, если бы он не вступил во взаимодействие с внешним миром, то не изменился бы. Но он вступил во взаимодействие с внешним миром, а именно - с палкой другого. И когда, столкнувшись с жизнью, он испытал последствия своих душевных состояний, проистекающих из нервозности, то сразу же понял то, чего никогда бы не понял. - Теперь можно сформулировать соответствующее правило для культуры воли: волю можно закалить лишь во взаимодействии с внешним миром, даже если мы не всегда желаем воспитывать её так, как в приведённом примере.

Что касается интеллектуальной жизни при самовоспитании человека, то речь идёт о внутренней жизни, о пробуждении оплодотворяющего нас внутреннего элемента, который хотя и присутствует в нас, но может остаться неиспользованным, может остаться бесплодным. Мы развиваем это, сопоставляя в наблюдении наш опыт, постоянно просматривая его, оглядываясь на определённые идеи и обзревая то, что пережили мы в жизни, чтобы вновь ставить это перед собой. Особое значение при этом имеет то, что мы не только обращаемся к разуму и его культуре, не только вспоминаем, мыслим и представляем, но, что гораздо важнее и существеннее, обращаем при самовоспитании внимание на то, что учимся более правильным образом забывать. Забвению здесь не отводится роль особой добродетели, но если мы в жизни встречаемся с тем или иным, то вскоре замечаем, что пережитое нами не может полностью быть перенесено с момента переживания в более позднее время. Иногда мы можем делать это с представлениями, но очень редко с пережитыми нами ощущениями, чувствами, радостью и страданием. Но как это действует дальше? Это тускнеет и продолжает действовать в скрытых глубинах души. То, что при этом забывается, есть здоровый элемент, который погружается в скрытые глубины нашей душевной жизни. И благодаря погружению этих здоровых элементов мы имеем нечто, что в нас работает, что может вновь вести нас от ступени к ступени. Речь идёт не о том, чтобы набивать себя чем попало, но, внимательно прослеживая вещи, удерживать то, что нам нужно, и погружать пережитое в глубины души. Тогда мы воспитываем интеллектуальный элемент, воспитываем, что особенно важно, элемент внимания. Кто не придаёт этому особого значения, не видит в этом смысла, тот, как говорится, едва ли возьмёт свою жизнь в руки. Но кто знает, какое значение имеет способность забвения, скажет себе: я должен взять свою жизнь в руки, я не должен позволять действовать на меня всему. Если я нахожусь в обществе, где болтают лишь о глупостях, то я, возможно, как разумный человек, забуду это, но дело в том, забуду ли я глупости или нечто здоровое, разумное. Таким образом, речь идёт о том, что именно подлежит забвению. Ибо из этого забытого часто поднимается нечто, что станет предметом нашего, взятого в истинном смысле этого слова, воображения, нашей фантазии. И если интеллектуальный элемент утомляет и изнуряет, то всё, что приводит наши душевные силы в движение так, что мы нечто изобретаем, является оплодотворяющим, оживляющим и способствующим жизни элементом. Именно это мы должны заботливо возвращать при мудром самовоспитании.

Мы рассмотрели некоторые моменты самовоспитания относительно интеллекта и внутреннего душевного элемента, и если мы этот внутренний душевный элемент культивируем совершенно по-особому и придаём ему главное значение, то вскоре убедимся, что он исключительно сам по себе вливается в волю, в характер, тогда как все предпринятые нами прежде усилия по оказанию непосредственного влияния на характер ни к чему не привели, поскольку мы не вступали ли во взаимодействие с внешним миром.

Подобные вещи, которые могут служить самовоспитанию человека, подтверждаются тем, что

духовная наука может дать в законе о повторных земных жизнях и в законе кармы, а именно: то, что я переживаю в данной жизни, является последствием прежней жизни, а то, что я переживаю сейчас, образует причину того, что встретит меня в последующей жизни. Если мы учимся жить в соответствии с идеями повторных земных жизнях и кармы, мы учимся также достигать правильного равновесия между смирением и жаждой деятельности. В отношении как первого, так и второго мы можем при самовоспитании изрядно погрешить. Относительно смирения и жажды деятельности в наше время люди обычно совершают как раз обратное тому, что соответствовало бы действительно разумному самовоспитанию. Кто разделяет воззрение о повторных земных жизнях, тот скажет себе: о том, что встречает меня в жизни как судьба, что приносит мне радости и страдания, что сводит меня с тем или иным человеком и так далее, - обо всём этом я должен сказать: я сам вызвал всё это своим "я", которое выходит за пределы моей ограниченной личности. Сначала может показаться, что это ведёт к слабости, к пассивному принятию судьбы, поскольку нам известно, что мы создали её сами. Вещи встречают нас так, как должны встречать, ибо они стали таковыми благодаря нам. Если мы обладаем таким смирением, то оно укрепит и закалит нашу волю, так как она развивается не внутренней тренировкой, но отношением к внешней судьбе, к тому, что нас встречает. При самовоспитании ничего не может так укрепить волю, как смирение и самоотверженность перед лицом судьбы, - то, что называют невозмутимостью. Ослабляет свою волю тот, кто при каждом удобном случае ропщет на судьбу и предъявляет к ней претензии. Укрепляет свою волю тот, кто может принять свою судьбу. Самые слабевольные люди - те, которые всегда полагают: то или иное постигло их совершенно незаслуженно - как будто от этого они могли бы отделаться просто так.

Этому смирению современный человек часто совсем не придаёт значения. Вместо этого он всё больше развивает нечто другое. В наше время принято больше полагаться на внутренние способности, на разум, на то, что представляется ему внутренней силой. Человек полагается в основном на свои внутренние душевные свойства и говорит: если тебе это не нравится, то всё дело тебе, в том, что ты не уделяешь этому внимания. - Полагаются на свои внутренние свойства сегодня в основном те люди, которые недовольны внешней судьбой. Какое самодовольство проявляет здесь человек. И особенно самодоволен он тогда, когда утверждает: ему, собственно говоря, нечего развивать, в нём всё уже развито. Современное учение об индивидуальности есть чистейшее учение о покорности. И напротив, всякое требование развивать индивидуальность, не пренебрегая никакой возможностью, глубоко оскорбляет чувство покорности у современных людей действия.

Необходимо установить созвучие между внутренним смирением и внешней активностью. И мы достигнем этого тогда, когда будем внимательны и открыты тому, что предлагает жизнь. Сохранять открытыми внимание и интерес - вот то требование, которое мы должны ставить перед собой при самовоспитании. Мы видим, как человек, взирая в будущее, говорит: то, что я теперь развиваю, становясь зрелым и укрепляя мои силы, будет работать в будущем над моим бытием, обогатит мою судьбу. - Когда человек таким образом выводит свою жизнь за пределы данного воплощения и взирает на то, что может действовать из его современного бытия как причина, тогда пробуждается стремление к действию, тогда он поднимается над своей современной природой, а его чувство смирения будет правильным тогда, когда он сможет постигнуть как созданное им самим то, что встречает его в настоящем.

Так идеи о карме и реинкарнации могут дать нашей судьбе то, в чем нуждается современный человек. И на многочисленные вопросы о самовоспитании не будет дан правильный ответ до тех пор, пока духовная наука не станет внутренним стремлением, внутренней тоской ищущих душ нашего времени. Духовная наука не стремится к агитации, но хочет дать нашему времени то, что должно стать глубочайшей душевной потребностью современного человека. Истины всегда служили каждой эпохе в соответствующей ей форме, но она постоянно отвергала их. Духовная наука, хотя и даёт надёжную основу для ответов на все вопросы современности и ближайшего будущего, тоже не может избежать этой судьбы, поэтому её не признают и противопоставляют ей то, что сегодня считается только и единственно модным, поэтому её относят к беспочвенным фантазиям и мечтаниям, если ещё не хуже. Но когда обращают внимание на такие имеющие решающее значение вопросы, тогда видят значение и важность того, что может предложить и предлагает духовная наука как жизненный эликсир. Тогда, несмотря на враждебность и высокомерие по отношению к духовной науке, могут почувствовать, чем она является, что она может стать жизненным эликсиром. К духовной науке можно применить слова, которые помогут перенести всю враждебность и недоброжелательство к ней тому, кто видит её истинную глубину и значение; эти слова принадлежат человеку, с которым можно не во всём согласиться, но здесь он попадает в самую точку. Эти слова Артура Шопенгауэра относятся к судьбе всякой истины, которая с духовной наукой должна войти в современное и будущее культурное развитие человечества: во все века бедную истину уничтожали потому, что она парадоксальна, но это не её вина. Она не может принять образ поголовно господствующего заблуждения. Она смотрит с надеждой на своего ангела-хранителя, эпоху, которая обещает ей победу и славу, но взмах крыльев её настолько велик и медлителен, что индивидуум медленно угасает. - И духовная наука может дополнить слова Шопенгауэра: пусть взмах крыльев ангела-хранителя, времени, настолько

велик и беспределен, что отдельная личность, индивидуум, не может распознать истину времени и должна угаснуть, не дождавшись торжества истины, духовная наука все же показывает нам, что в этой личности живёт вечное сущностное ядро, которое не ограничивается отдельной личностью, но постоянно возвращается и идет от жизни к жизни.

Поэтому мы можем сказать: пусть взмах крыльев времени настолько велик и беспределен, что отдельная личность угасает, так и не дождавшись торжества истины, но наше Я, если мы поднимаемся над личностью, всё-таки может увидеть торжество этой и других истин, ибо новая жизнь всегда побеждает смерть. Это торжество истины подтверждают и выразительные слова Лессинга, подводящие итог духовным исканиям предшествующих столетий. То, что говорит духоиспытатель о всеобъемлющей сущности человека, которую он созерцает вне своей личности, душа, чувствуя это как глубочайшую и надёжнейшую основу своего бытия, может выразить так: разве вечность не принадлежит мне?!

КАЗАНЬ 2004 На правах рукописи Перевод Веселова П. В. Из ПСС 61